

АНТОЛОГИЯ

2012

Выпуск 1

Бакинцы. Возвращение памяти...

Оглавление

Введение	2
Алиев Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы – первый учитель азербайджанского языка и шариата в Бакинском уездном училище и его потомки	3
Алиев Зейнал Абдин - первый азербайджанский профессиональный скульптор	18
Шарифова (Шариф-заде) – Зейналлы Сейяра Саттар кызы – учительница, репрессирована	33
Зейналлы Ханафи Баба оглу - востоковед, литературный критик, репрессирован	40
Касимов Самед и его потомки	45
Ханларов Гаджи Мамед Гасан Бек и его семья	51
Талышинский Мир-Абульфат-хан (Ага-хан) - первый азербайджанский травматолог-ортопед	55
Мансуров Мешади Сулейман бек Мешади Мелик бек оглы - организатор бакинских музыкальных меджлисов, меценат и предприниматель	57
В последнюю минуту (дополн. к ст. «Алиев Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы»)	80

Введение

Не удивляйтесь появлению в Интернете этой книги. Это результат долгой и трудной работы, проделанной ради того, чтобы дать возможность бакинцам узнать больше о своем городе и его жителях.

Покинув родной и любимый город, все мы остаемся бакинцами навсегда. И слова Бульвар, Торговая, Кривая, Старый универмаг, Пассаж, Базарная - для нас не просто слова, а ряд знакомых лиц, запахов и красок. И мы решили сохранить все это на созданном нами сайте “Our Baku—Наш Баку”.

Уйдет из жизни старшее поколение и окажется, что ушла Память, и некому будет спросить, и некому будет рассказать потомкам о том, что и как было.

И нам захотелось сохранить то, что еще возможно.

Судьбы бакинцев, в какие бы времена они не жили, интересны и дороги нам, потому что они создавали этот город и его неповторимую ауру.

Заинтересовавшись нашим началом, многие бакинцы стали пересматривать свои личные архивы и восстанавливать истории своих семей.

И оказалось, что собранный нами бесценный материал, интересен и важен для широкого круга читателей.

Мы хотим поблагодарить людей, которые помогают нам в работе, пишут свои воспоминания, присылают найденный материал или доверяют нам семейные реликвии, открывая свои архивы.

На основании статей, опубликованных нами на сайте, мы решили создать электронную книгу в виде антологии объединенных тематических выпусков, в которые будут включаться наиболее интересные и важные материалы.

Мы начинаем нашу новую работу выпуском №1, которому мы дали название “**Бакинцы. Возвращение памяти**”.

Составитель, дизайн: Ирина Ротэ

Литературные редакторы: Ирина Ротэ, Татьяна Сперанская

Корректоры: Ирина Ротэ, Татьяна Сперанская

Обложка: M. Rothe

Технический редактор: Hannes Rothe

**Заур Ализаде,
профессор химии.**

Алиев Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы – первый учитель азербайджанского языка и шариата в Бакинском уездном училище и его потомки

? - 1862

Первый учитель азербайджанского языка и шариата в БУУ Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы и его дети

До 1832 года в Баку не было ни одного светского учебного заведения. Во многих уголках города были лишь мектебы при мечетях, так называемые «моллахана». В них готовили преимущественно духовных лиц, а образование сводилось к изучению Корана, священных книг, азбуки и некоторых правил арабского и персидского языков. Азербайджанский язык не изучали вовсе...

В нашей литературе устоялось ошибочное мнение, что первое светское учебное заведение в Баку было открыто в 1887 году. Изучение материалов центрального архива Тбилиси – официального местопребывания наместника Кавказа в XIX веке – позволило видному историку Энверу Мирзакули оглы Ахмедову [1], впервые установить точную дату создания в Баку первого светского учебного заведения, а именно, что Бакинское уездное училище начало функционировать уже с 17 января 1832 года, на 55 лет раньше ошибочно принятого 1887 года, где впервые преподавались азербайджанский и русский языки, основы светских наук.

Изыскания Э. Ахмедова в конце 80-х годов прошлого века, и новые архивные материалы, выявленные в последние годы на сайте «Наш Баку» [2], позволили установить интересные сведения о первом светском учебном заведении в Баку и его учителях.

На первых порах в двухклассном уездном училище было очень мало учеников и учителей. Мусульмане неохотно отдавали своих детей в училище. В 1834 году в Бакинском училище было всего 22 ученика и 2 учителя.

Ученики изучали русский и азербайджанский языки, закон Божий и мусульманское право - шариат, арифметику, чтение и чистописание. Русский язык, Закон Божий, арифметику преподавал русский учитель, а азербайджанский язык и мусульманское право - азербайджанец. С 1 января 1836 года училище стало трехклассным, и ученики помимо перечисленных, изучали также русскую грамматику, краткий курс всеобщей, русской, и местной истории, всеобщую и русскую географию, преимущественно Закавказского края, арифметику, начала геометрии, черчение и рисование [2].

Из уездных училищ, имевших целью привить детям начальные знания и подготовить к продолжению образования в тифлисской гимназии, вышли первые знатоки в Азербайджане русского языка и светских наук, выросли первые учителя азербайджанского языка. И первым учителем азербайджанского языка и шариата в Бакинском уездном училище, более четверти века, со дня его основания и до конца жизни, как стало известно [1-3], был **Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы Алиев.**

Это мой прапрадед.

Из документов семейного архива известно, что Гаджи Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы был дворянином, всесторонне образованным человеком своего времени, знал арабский, персидский, тюркский и русский языки. Вместе с Аббас-Кули Ага Бакихановым он был одним из инициаторов создания Бакинского уездного училища.

А одним из первых выпускников этого училища был старший сын Мирза Абдул-Рагима – мой прадед, Мирза Зейнал Абдин бек Алиев (1826-1891).

В семье сохранились две старинные книги, - реликвии от Бакинского уездного училища: «Словарь церковно-славянского и русского языка» Соколова в 2-х томах, 1829 года издания и «Руководство к познанию Всеобщей политической истории» профессора И.Кайданова в 2-х частях, «Древняя история» и «История средних веков» (издание 1834 года, С.Петербург), подаренные учащемуся Бакинского училища, моему прадеду, с дарственными надписями: «За хорошие успехи в науках и примерное поведение дана сия книга вместе со второй к ней частию ученику 2 класса Бакинского уездного училища Зейналу Имам-Алиеву во время публичного испытания бывшего 9 июня 1839 года. Исправляющий должность Смотрителя Городенский», гербовая печать с двуглавым орлом и надписью «печать Бакинского уездного училища».

Титульный лист «Словаря церковно-славянского и русского языка» Соколова. 1829 год
с дарственной надписью от 9.06.1839 года
Зейналу Имам-Алиеву

Вторая книга с аналогичной надписью и печатью была подарена ему через год - 9 июня 1840 года.

Титульный лист «Руководства к познанию всеобщей политической истории» профессора И.Кайданова. СПб. 1834 год
с дарственной надписью от 9.06.1840 года
Зейналу Имам-Алиеву

В 30-е годы XIX века российская администрация принуждала азербайджанцев, помимо имени и отчества, брать еще и фамилию, что ранее у азербайджанцев не практиковалось. Поэтому при открытии училища, писавшийся как Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы, мой прапрадед, позже взял фамилию по имени своего отца, и уже в Кавказском календаре на 1846 год в Бакинском уездном училище [3] он отмечен как Законоучитель Магометанского Исповедания Абдул Рагим Имам-Алиев, отчество которого стало фамилией.

К этому времени в училище вместо 22, как в 1832 году, уже было 56 учащихся и вместо двух - 5 учителей.

Наряду с Исправляющим должность Смотрителя (по нашему-директором) Титулярным советником Степаном Ивановичем Городенским (его же подпись стоит на дарственной книге Зейнал Абдину) и моим прапрадедом Абдул-Рагим Имам-Алиевым, появились Законоучитель Армяно-Григорианского Исповедания Месроп Захарьевич Асланов и учителя Бежан Егорович Хаджибадалов и Соломон Артемьевич Вартанов [3]. А у старшего сына Мирза Абдул-Рагима, моего прадеда при поступлении в Бакинское училище полное имя уже писалось: Зейнал Абдин Мирза Абдул-Рагим оглы Имам-Алиев. Правда позже прапрадед и его сыновья укоротили свои фамилии, отбросив «Имам», и они, и мы, их потомки, стали «Алиевы».

По семейным документам и записям известно, что отца Мирза Абдул-Рагима звали Молла Имам Али, он был духовным лицом. Мирза Абдул-Рагим был женат на Биби ханум Джафар кызы, имел 4 сыновей и 3 дочерей. Сыновья получили светское образование, свободно владели несколькими языками.

Старший сын Мирза Абдул-Рагима, мой прадед Мирза Зейнал Абдин бек был дворянином, имел чин Титулярного советника, был женат на Умм Салима ханум и имел 10 детей. Второй сын Гаджи Мирза Насрулла – был губернским секретарем. Третий сын **Гаджи Мустафа** – был коллежским регистратором, женился на **Ана ханум** и дал имя своего деда рано умершему сыну **Имам Али**.

С 1906 года он был попечителем над несовершеннолетней **Сугра ханум Мешади Мухтар кызы Кязимовой** - сестрой **Фатьма ханум**, невесткой его брата **Ахунд Мамед Гасана**.

Четвертый сын Мирза Абдул-Рагима - **Ахунд Кербалай Мамед Гасан** (см. фото), как и все Ахунды, относился к высшему духовенству.

Он был женат на **Араб кызы**, как её звали, имел единственного сына **Мирза Маммеда Алиева** (1885-1948).

Ахунд Мамед Гасан

Дочерей Мирза Абдул-Рагима звали **Туту ханум**, **Гаджар ханум** и **Умм Салима ханум**. Его дочь Гаджар ханум Алиева была замужем за **Гамид бек** **Юсуфбековым**, а их сын **Азиз бек Юсуфбеков**, женатый на **Гыз-ана ханум**, был генералом царской армии, артиллеристом, участником ряда сражений, в том числе и Хорасанской битвы.

Почти все дети Мирза Абдул-Рагима имели свои семьи, детей и продолжателей рода.

Гаджи Мирза Абдул-Рагим Имам Али оглы Алиев умер в 1862 году.

Но Бакинское уездное училище, организованное 180 лет назад при его участии, положило начало развитию в нашем городе светского образования. Из стен училища вышли первые выпускники, знающие светские науки, азербайджанский и русский языки. Новые веяния в образовании и науке сформировались в недрах старой культуры азербайджанского народа, это было началом расцвета культурной жизни Баку и Азербайджана, последующих десятилетий [4].

Внуки Мирза Абдул -Рагима Имам Али оглы и их потомки

У старшего сына Мирза Абдул-Рагима Имам Али оглы - **Мирза Зейнал Абдин бека**, моего прадеда, и его жены **Умм Салима ханум**, как я отмечал, было 10 детей - 6 сыновей и 4 дочери.

Старший сын Мирза Зейнал Абдин бека Алиева - **Кербалай Гаджи Ага бек Алиев** (1861-1918/19) был коммерсантом.

Кербалай Гаджи Ага бек Алиев

Его французский магазин модно-галантерейных товаров располагался по Николаевской улице (ныне Истиглалият) угол Воронцовской (ныне - Ислама Сафарли) на 1-м этаже под гостиницей «Метрополь» (ныне музей Низами).

Бланки магазинов Гаджи Ага бека и Маммед Таги бека Алиевых

У него от старшей жены **Биби ханум Фахретдиновой** (1867-?) детей не было, а от **Марьям Ниса ханум Искендербековой** (1878-?) было 2 сына – **Зейнал Абдин бек** (1894-?), **Джабраил бек** (1897-?), и дочь **Сара ханум** (1905-?).

Первенец Зейнал Абдин бек Алиев, которого он назвал в честь скончавшегося отца, был первым азербайджанским профессиональным скульптором, создателем первых государственных регалий АДР – государственного герба, государственной печати, первых нагрудных медалей и почтовых марок и первым азербайджанцем, окончившим в 1923 году в Италии Академию di Bella Arti в Перудже с дипломом "профессор скульптуры".

Зейнал Абдин бек Алиев (1919)

Второй сын, **Джабраил бек Алиев**, был комендантом Гянджи, и был убит в 20-е годы, а дочь **Сара ханум Алиева** в 1921 году работала инструктором школьного отдела Наркомпроса Аз.ССР, заведовала детским домом. Вышла замуж за **Абдуллу Арабова** имела сына **Таята** и дочь **Марьям**.

Сара ханум Алиева (Арабова) с сыном Таятом

Два других сына Мирза Зейнал Абдин бека Алиева - **Маммед Али бек Алиев** (1867-1930/32) и **Маммед Таги бек Алиев** (1874-5.01.1916), мой дедушка, - были дворяне, также занимались коммерцией, имели дома и жили в собственном доме по ул. Карантинной (ныне Ази-Асланова) угол ул. Базарной - 29.

Маммед Али бек Алиев

У Маммед Али бека ни от старшей жены - **Дур Садаф ханум Мешади Джафар кызы Алиевой** (1879-1965), ни от младшей жены - **Весиля ханум Ага Багир кызы Ибрагимовой** (1890-1964), двоюродной племянницы Наримана Нариманова, детей не было.

*Маммед Али бек Алиев с женой
Весиля ханум Ибрагимовой*

*Мамед Таги бек Алиев -
мой дедушка*

А его брат Маммед Таги бек Алиев - мой дедушка, 6 ноября 1895 года женился на **Усния ханум Паша бек кызы Везировой** (1881-1938), имел сына - **Искендер бека Алиева** (1899-1938) и 2 дочерей - **Салиму ханум** (1900-1964) и **Тофу ханум** (1910-1979) - мою мать.

Усния ханум Алиева

*Маммед Таги бек Алиев с
детьми. (Баку, 1912)*

*Усния ханум Алиева с
дочерью Тофа ханум
(Баку, 1934)*

Искендер бек Маммед Таги бек оглы Алиев, окончив экономический факультет МГУ и Институт Красной профессуры, был видным экономистом, государственным деятелем, работал председателем АзЦСУ, наркомом и председателем Госплана, был членом АзЦИК, и ВЦИК СССР. В 1937 году был репрессирован по знаменитому "Делу №12493" и расстрелян. Жизнь его детей, как и всех детей «врагов народа» - **Тамиллы, Ферида и Рустема**, также была сломлена.

Салима ханум Бахрамова - была заслуженным педагогом дошкольного образования. В мае 1935 года, на месте бывшей мечети «Кубалы» прямо напротив «бешмертебя» был построен образцовый 2х-этажный детский сад им.М.Д.Багирова, и она со дня его основания, более четверти века была заведующей этого садика и многие городские ребята, будущие достойные граждане Азербайджана, до войны, в тяжелые годы войны и после войны, росли и воспитывались в этом детском саду под её руководством.

Я тоже в предвоенные и военные годы воспитывался в этом саду и моими друзьями детства там были будущие композиторы Васиф Адигезалов и Акшин Ализаде, геолог, академик Акиф Ализаде, заслуженный архитектор Юсуф Ягубзаде, журналист Ариф Салаев, врач Фаик Сафаров и его сестра Тамилла, Жорик Жигалов и его сестра Светлана, биолог Валида Джафарова, инженер-строитель Идаят Рзаев и многие другие.

Салима ханум была также депутатом горсовета нескольких созывов, народным заседателем и награждена медалями.

У неё и супруга **Яхья Имам Кули оглы Бахрамова** (1889-1965), не было своих детей, но они с родительской любовью вырастили и воспитали племянника - маленького **Тофика Бахрамова** (в будущем знаменитого футбольного арбитра, чьим именем назван республиканский стадион), оставшегося сиротой после убийства его отца в 1927 году и скорой кончины матери, вырастили и племянницу **Рафигу Бахрамову**, также оставшуюся сиротой, а с 1938 года растили и меня, когда репрессировали и сослали в Сибирь моего отца.

Салима ханум с мужем Яхья Бахрамовым (1919)

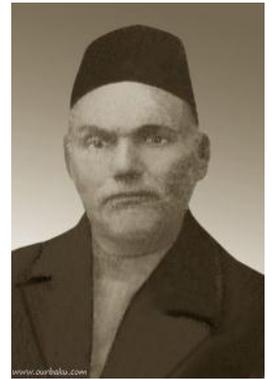

Тохфа (Тофа) ханум Алиева (Баку, 6.11.1927)

Тохфа ханум Маммед Таги бек кызы Алиева (Адигезалова) также была воспитательницей и заведующей детских яслей и детского сада. У неё и репрессированного супруга - **Адигезалова Ислама Гасановича** (1906-1974) единственным сыном был я, Заур Адигезалов. Во время репрессий 1948 года, когда ссылали и детей репрессированных, я взял фамилию матери, измененную с частицей «заде», и стал Ализаде.

Четвертый сын Титулярного советника Мирза Зейнал Абдин бека Алиева - **Мирза Ага бек Алиев**, как тогда было принято, имел двух жен - **Сона ханум** и **Довлят ханум**, имел сына **Гусейна** и дочь. А про других сыновей Мирза Зейнал Абдин бека – **Абдул Халыг беке Алиеве** и рано умершем **Искендер беке** мне почти ничего не известно.

Как было отмечено, у Гаджи Мирза Абдул-Рагима Имам Али оглы от четвертого сына - Ахунд Кербалай Мамед Гасана и его жены Араб кызы был только один внук - **Мирза Маммед Алиев** (1885-1948), который был женат на **Фатьма ханум Мешади Мухтар кызы Кязимовой**, и у них было 3 сына и 3 дочери.

Мирза Маммед Алиев

Мустафа Имам-Али

Старший внук Ахунда (правнук Мирза Абдул-Рагима), названный Ахундом в честь своего деда, **Мустафа Имам Али** (1905-1978), стал первым азербайджанцем профессиональным конструктором кораблей. Окончив гимназию, он обратился в 1922 году в ЦИК Аз.ССР с просьбой о получении образования кораблестроителя за рубежом (в 20-е годы у нас не было подобных ВУЗов), и по решению Совнаркома Закавказья был направлен в Германию.

Прибыв в Берлин в 1924 году, Мустафа в течении 5 лет работал и практиковался на судостроительной верфи завода «Ф.Крупп» в Киле и в кораблестроительном бюро завода «Клавиттер». Одновременно поступил в Высшее техническое училище на отделение кораблестроения. В 1932 году с дипломом инженера - кораблестроителя, вернулся в Баку и работал в Каспийском пароходстве.

Репрессии 1937 года не обошли и его, он был арестован, но с началом войны был востребован и освобожден.

В годы войны для перевозки больших количеств нефти по морю в Красноводск Мустафа создает первые лихтера-паромы, прообразы нынешней паромной переправы, которые сильно помогли фронту, переоснащает морские танкеры для переброски на фронт тяжелой техники, танков и самолётов, представляемых нам союзниками.

К концу войны Мустафа Али был направлен в Австрию и Венгрию, где более года руководил работами по оснащению судов советского Дунайского пароходства. Позже конструктор - корабел Мустафа Имам Али трудился в Латвийском пароходстве, в Риге, а с конца 40-х годов и до конца жизни - в Ленинграде, в ЦП Бюро Балтийского пароходства, и главным конструктором в НИИ им. акад. А.Н. Крылова. Им лично составлены проекты многих современных судов, в частности, парома-судна «Советский Азербайджан», крупнейшего морского лайнера «Иван Франко» и других.

С 1990 года морские волны Каспия бороздит новый танкер «Инженер Мустафа Али» с именем на борту первого азербайджанца кораблестроителя Мустафы Имам Али.

Другой внук, названный Ахундом в честь отца, - доктор медицинских наук, профессор **Абдул Рагим Алиев** (1909-1991) стал видным хирургом в советском Азербайджане, уважаемым ученым, автором ценных научных трудов.

Он и его супруга, врач, терапевт **Бахиджа ханум Рагимбекова** (1910-1993) своих детей не имели, всю жизнь посвятили медицине и племяннику, в будущем ставшим опытным хирургом – **Али Мухтару**.

проф. Абдул-Рагим Алиев

Третьего внука уже после Ахунда назвали в его честь. **Гасан Мамедович Имам-Алиев** (1914-1997) - ветеран войны и труда.

В Государственном Комитете гидрометеорологии был старейшим специалистом, отдавшим более 60 лет жизни развитию метеорологии республики. Автор ряда книг по приборам и методам гидрометеорологии.

На фронте и в мирное время был награжден 15-ю боевыми и трудовыми орденами, медалями и почетными грамотами.

Гасан Мамедович и его супруга **Сара ханум** (1915-2001) имели сына, названного ими в честь деда, но уже по матери, **Али Мухтаром** (1950-2003), ставшего как и дядя хирургом, и 2 дочерей – **Севду ханум** (1942-2008) – нефтегеолога, и **Фатьму ханум**, названную в честь своей матери.

Дочерей Мирза Маммеда Алиева, внучек Ахунда, звали **Хурмет ханум**, **Бильгеиз ханум** и **Себиля ханум**.

Хурмет ханум вышла замуж за своего троюродного брата **Кязимова Ага Гусейна**, 1-го Наркома здравоохранения АзССР, репрессированного в 1937 году. У них было 3 сына.

Бильгеиз ханум по мужу **Ибрагимова**, имела 2 сыновей – **Давуда** и **Надира**.

Себиля ханум также имела двух сыновей.

Многочисленные потомки от четвертого сына Мирза Абдул-Рагима - Ахунд Кербалай Мамед Гасана, образовали большие семьи Алиевых, Имам-Алиевых, Кязимовых, Ибрагимовых и другие.

Внучки Мирза Абдул-Рагима Имам Али оглы и их потомки

У старшей дочери Титулярного советника Мирза Зейнал Абдина Алиева **Ханбаджи ханум** (?-1907) и её мужа **Алескера Кязимова** (?-1914) было 4 сына и дочь, потомками которых явились многие Кязимовы, Ибрагимовы и др.

Ханбаджи ханум Алиева(Кязимова)

*Кязимов Алекпер
(Берлин.24.10.1930)*

Их старший сын **Алекпер Алескер оглы Кязимов** с 20-х годов жил и работал в Германии, в Берлине. Имел дочь **Хадиджу ханум**, а от её дочери **Рены ханум** и мужа академика **Урхана Алекперова** пошло новое поколение Алекперовых.

*Хадиджа ханум
Алекпер кызы
Кязимова*

Второй сын Ханбаджи ханум – **Ага Гусейн Кязимов** (1882-1937) был врачом, участник 1-ой Мировой войны, первый нарком здравоохранения Азербайджана, в 1921 году член Президиума ЦК АКП(б), а в 1937 году репрессирован и расстрелян.

Его имя носит 1-я городская поликлиника в г.Баку. У Ага Гусейна Кязимова и его жены **Хурмет ханум Алиевой** (также правнучки Гаджи Мирза Абдул-Рагима) было 3 сына – **Джахангир, Бахадур и Джаваншир Кязимовы**.

Кязимов Ага Гусейн (Баку.1928)

Третий сын **Абульфаз** прожил недолго и умер молодым в 1918 году.

А четвертый сын Ханбаджи ханум - **Джафар Кязимов** (1897-1868) в числе студентов, направленных АДР в Европу, окончил в 1925 году Фрайбергскую горную Академию в Германии, работал геологом, преподавал, дослужился до вице-президента АзФАНа, а в 1938 году был репрессирован, отбывал наказание в лагерях Коми и, будучи заключенным, стал первым открывателем на побережье Баренцева моря крупнейших урановых месторождений Советского Союза.

После реабилитации парализованным вернулся в Баку. Дочь Джафара **Лейла ханум Кязимова** долгие годы преподавала в консерватории им. Уз.Гаджибекова.

Кязимов Джафар (Германия, 1923)

Единственная дочь Ханбаджи ханум и Алескера Кязимова **Ум Лейла ханум** (1892-1965) вышла замуж за весьма состоятельного **Шеби Ибрагимова**, обогатившего после нефтяного фонтана на его участке, и была хозяйкой красивого 3-х этажного архитектурного особняка, построенного её мужем на Кривой улице напротив Парапета, где в советские годы, после выселения её семьи, жил Председатель Президиума Верховного Совета АзССР Мир Бешир Касумов.

Ум Лейла ханум

Ум Лейла ханум и Шеби Ибрагимов имели трех сыновей и двух дочерей:

Наджаф Ибрагимов имел двух дочерей;

другой сын **Али Гейдар Ибрагимов** молодым ушел на фронт и погиб под Новороссийском;

третий сын **Али Ага Ибрагимов** был видным хирургом, доцентом, имел сына и дочь; **Сима ханум Ибрагимова** долгие годы работала библиотекарем в Республиканской библиотеке им.М.Ф.Ахундова,

а у старшей дочери **Ханум Ибрагимовой** была только одна дочь **Земфира**.

У другой дочери Мирза Зейнал Абдина – **Ругия Бейим ханум Алиевой** были только 4 дочери:

У старшей - **Ханбаджи ханум** был сын **Керим Ага** и дочь **Сария ханум**, у которых, в свою очередь были дети и внуки.

У других её дочерей **Разия ханум**, **Джаваир ханум** и **Зейнаб ханум** также были многочисленные потомки.

Ругия Бейим ханум с дочерью Ханбаджи ханум (Баку, 1916)

Третья дочь Мирза Зейнал Абдина – **Секина ханум** (?-1906) и её супруг Гаджи **Мамед Кули бек Селимханов** имели сына **Алескера Селимханова**, у которого был один ребенок, и трех дочерей – **Зиба ханум**, **Мина ханум** и **Чимназ ханум**.

Старшая дочь Секины ханум - **Зиба ханум** и её муж **Джафар Агаев** имели 3-х сыновей - **Али Гусейна**, **Микаила** и **Гаджибаба Агаевых** и дочь **Бала ханум**, у которых также были дети и внуки.

Али Гусейн Агаев (Баку. 1914)

У второй дочери Секины ханум Селимхановой - **Миной ханум** (1893-1960) 27 ноября 1907 года состоялась свадьба, и 14-летнюю юную красавицу взял в жены нефтепромышленник **Наджаф Кули Кербалай Аббас оглы Мамедов** (1882-1919).

Он и его компаньон Теймур бек Кулибеков с семьями жили в собственном трехэтажном архитектурном особняке по ул. Врангельская, 14 (ныне-Ахмед Джавада, 4), в одной из квартир которого ныне проживает его внук, доцент **Чингиз Эфендиев**.

Мина ханум Мамедова с дочерью Иззет

Дочери Мина ханум и Наджаф Кули - **Иззет ханум** (её мужем был доцент АГУ **Джумшуд Эфендиев**), **Асия ханум** и **Мензяр ханум** также имели детей и внуков - Эфендиевых, Ахмедовых, Махмудовых и Кулиевых, а сын **Адиль** и дочь **Рахилия** умерли в раннем возрасте.

Наджаф Кули Мамедова трагически убили в феврале 1919 года, через год после убийства его компаньона Теймур бека Кулибекова в трагические мартовские дни 1918 года.

Наджаф Кули Мамедов (Тифлис.27.02.1907)

У третьей дочери Секины ханум Селимхановой - **Чимназ ханум Агаевой** было два сына – **Юнус** и **Юсиф Агаевы**, артисты эстрады, и дочь **Туту ханым**, у которых также были дети и внуки.

Четвертая дочь Мирза Зейнал Абдина Алиева - **Месма ханум** была замужем за **Мамедом Агаевым**, и у них был сын **Мехти Агаев** и две дочери **Фатъма ханум** и **Хурмет ханум**.

Месма ханум

Мехти Агаев (Баку, 21.03.1929)

Мехти Мамед оглы Агаев (1905-1960) был женат на **Зумруд ханум Агаевой**, одной из знатных женщин республики.

Она была членом Верховного Совета Азерб.ССР, её имя внесено в книгу почёта азербайджанских женщин. Она была воспитателем, возглавляла детский дом. У них было 2 сына – **Мамед** и **Октай Агаевы**.

Мехти Агаев, его супруга Зумруд ханум и сестра Хурмет ханум

После ранней смерти Зумруд ханум в 1937 году у Мехти Агаева от второй супруги **Мары ханум** родился третий сын **Тофик**.

Мамед Мехти оглы Агаев (Баку, 1988)

Его старший сын **Мамед Мехти оглы Агаев** с 18 лет был активным участником войны, Сталинградской битвы, Белорусских сражений. Как командир взвода, затем командир роты, был тяжело ранен в бою, считался погибшим, и на Мамаевом кургане среди бойцов погибших за Сталинград есть и имя Агаева Мамеда. Но он был спасен, мужественно перенес 16 тяжелых операций и остался жив.

На фронте дослужился до майора, награжден 18 боевыми орденами и медалями. После войны, как ветеран и инвалид войны работал на различных постах, в том числе и руководящих, и повсюду оправдывал доверие.

Последние годы он был директором Азербайджанского зоокомбината. С Сарой ханум создал счастливую семью и имел двух дочерей – **Зумруд**, которую назвал по имени матери, и **Эльмиру**.

Октай Мехти оглы Агаев в юности уехал в Россию, а **Тофик Агаев** значительно позже вместе с семьей переехал в Москву.

У дочери Месмы ханум Агаевой - **Хурмет ханум** было трое детей, а у другой её дочери **Фатьмы ханум** и её мужа **Мустафы Мирзоева** было 6 детей: сын **Джаббар Мирзоев** и дочери **Зибейда ханум**, **Мина ханум**, **Насиба ханум**, **Шоля ханум** и самая младшая **Рахилия ханум** (будущая актриса Аздрамтеатра им. М.Азизбекова, - на фото Фатьмы ханум с детьми она ещё не родилась).

Детей Джаббара Мирзоева, Зибейды ханум и Шоли ханум, и их фамилий по отцам я не знаю, а дочку Рахили ханум – вузовского преподавателя истории Азербайджана **Рену ханум Ибрагим кызы Топчибашеву** знаю хорошо.

Фатьма ханум Мирзоева с детьми

Рахилия ханум Мустафа кызы Мирзоева

Таким образом, по имеющимся документам я попытался рассказать о первом учителе азербайджанского языка и шариата Мирза Абдул-Рагиме Имам Али оглы Алиеве в Бакинском уездном училище и составить только часть родословной ветви потомков от одного бакинца на протяжении почти двух веков. А сколько интересного ещё можно узнать о живших, творивших и работавших на благо детей, семьи и благо нашей Родины предках каждого человека и событиях прошлого в ещё сохранившихся архивах. Чтобы иметь благополучное будущее мы должны лучше знать наше прошлое, предыдущие поколения, нашу историю.

В заключении не могу не повторить слова выдающегося просветителя и ученого А.К. Бакиханова, обращенные к современникам и потомкам при создании Бакинского училища: «Вникая в дела человеческие я убедился, что нет ничего прочного на земле, что богатство и власть подвержены потере, что высокое происхождение без личных достоинств в чужой земле остается неизвестным, а в своей причиняет стыд, и что только одна наука, проявившаяся в умственных произведениях, может доставать вам счастье на земле и продлить здесь наше существование по смерти».

Использованная литература:

1. Э.М.Ахмедов . «А.К.Бакиханов: эпоха, жизнь, деятельность».Элм.Баку.1989.
2. Бакинское уездное училище 1832 года января 17. - см. сайт www.ourbaku.com
3. Кавказский календарь на 1846 год. Тифлис.1845 г. - см. сайт www.ourbaku.com
4. З.И.Ализаде. «Первое светское учебное заведение в Баку». - Газета «Зеркало» 27 июля 2002г.

Читайте также в статье [«В последнюю минуту»](#) новые сведения об Алиеве М.Р.

Заур Ализаде,
профессор химии

Алиев Зейнал Абдин - первый азербайджанский профессиональный скульптор

1894 - ?

Зейнал Абдин Алиев. 1919 г.

История азербайджанской культуры богата именами выдающихся деятелей литературы, искусства, архитектуры.

Среди талантливых личностей прошлого широкой общественности, к сожалению, практически неизвестно имя первого азербайджанского профессионального скульптора Зейнал Абдин бека Гаджи Ага бек оглы Алиева, активно участвовавшего в создании первых государственных регалий Азербайджанской Демократической Республики – государственного герба, государственной печати, создавшего первые нагрудные медали и почтовые марки независимого государства, и первого азербайджанца, окончившего в 1923 году в Италии Accademia di Belle Arti в Перудже с дипломом «профессора скульптуры».

О первом азербайджанском профессиональном скульпторе – Зейнал Абдине Алиеве

(с новыми фактами)

В первой статье о Зейнал Абдине (газета «Зеркало» 4 и 11 июля 2009 г.), как близкий родственник, я рассказал как известное в нашей семье, так и ставшее известным, благодаря кропотливому труду в архивах наших журналистов. Сказанное хочу дополнить новыми материалами, переданными мне Рамизом Абуталыбовым из парижского архива Джейхун бея Гаджибейли.

Я отмечал, что Зейнал Абдин - мой двоюродный дядя, “эми оглу” моей матери был одним из представителей плеяды талантливой молодежи, отправленных правительством АДР в престижные ВУЗы Европы для получения высшего образования, который, как и некоторые другие, после советизации Азербайджана не вернулся на Родину.

Семья Зейнал Абдина в 1915-16 годах. В центре - отец, слева от него: стоял старший сын Зейнал Абдин (вырезано), первая жена Гаджи Ага бека Биби ханум Фахретдинова, справа от него: 2-ой сын - Джебраил бек, дочь - Сара ханум и 2-ая жена, мать Зейнал Абдина и других детей, Марьям Нуса ханум Искендербекова.

В силу особенностей советского периода азербайджанской истории, презрения к «предателям-невозвращенцам», имя скульптора Зейнал Абдина было неизвестно не только общественности республики, но даже мы – его родные и близкие, ничего не знали о его дальнейшей судьбе, и из-за страшных репрессий 30-х годов, боялись произносить его имя, как не принявшего советскую власть невозвращенца, двоюродные братья и ближайшие друзья которого были расстреляны, либо отправлены в ссылку.

В его семье, и у родственников боялись держать его документы, письма, фотоизображения, которые аккуратно вырезали, как на фотоснимке его семьи.

Минули десятилетия неизвестности, и впервые о Зейнал Абдине мы прочли в статьях Мовсума Алиева в журнале «Елм вэ хаят» в 1969 году, в журнале «Гобустан» в 1983-90 годах, а также Нигяр Абуталыбовой в журнале «Гобустан» в 1988 г. Позже немало потрудились в госархиве и спецфондах Тейуб Гурбан, Мубариз Сулейманлы, Вусал Багиров и другие исследователи, обнаружившие статьи Зейнала, документы эмигрантской жизни и другие.

Вместе с тем в материалах о Зейнал Абдине, встречаются неточности. В «Азербайджан Халг Джумхурияты Энциклопедиясы» (том 1. 2004 г.) приведены два сообщения о нем, как о разных людях.

Одно с его подлинной фотографией (стр.359). :

«Алиев Зейнал Абдин бек Гаджи Ага бек оглу, р. 24.04.1894г. в Баку. Один из учащихся, отправленных за рубеж, согласно особому постановлению парламента АДР для получения высшего образования за государственный счет. Для продолжения образования в области скульптурного искусства был послан в Римскую Королевскую Академию».

Эти анкетные данные подтверждаются как найденной Тейуб Гурбаном в госархиве метрикой Зейнал Абдина, выданной в 1919 году моллой Гасымбекской мечети, так и сведениями из чудом сохранившегося у нас подлинного паспорта его отца.

В другом сообщении (стр.360) верно сказано о деятельности Зейнал Абдина в период АДР, но здесь нет фотографии, его имя и фамилия представлены неверно, а отчество и время рождения вообще не известны:

«Ализаде Зейнал (?) – деятель культуры, много сделавший для прогресса национальной культуры в период АДР. Он активно участвовал в конкурсах объявленных правительством АДР по изготовлению проектов государственного герба, военных орденов, медалей и государственной печати. В нагрудных знаках и памятных медалях, выпущенных по его проектам нашли отражение здание парламента, знамя, восьмиконечная звезда и полумесяц, восход солнца, обрамленные ветвями цветов» .

Но в книге «Азербайджан Халг Джумхурияты» (Баку, Елм, 1998, стр.165) уже представлена единая информация о скульпторе и создателе регалий АДР, как об одном человеке:

«Первый профессиональный скульптор Зейнал Ализаде участвовал в изготовлении национального герба и памятных медалей»

Конечно, речь идет об одной и той же личности, о Зейнал Абдин беке Гаджи Ага бек оглу Алиеве (по паспорту).

Как близкий родственник, я рассказывал о предках Зейнал Абдина и о его деятельности до отъезда в Италию.

Семья

О прадеде Зейнал Абдина – Гаджи Мирза Абдул Рагиме Имам Али оглы (моем прапрадеде), который в 1832 году вместе с Аббас-Кули Ага Бакихановым основал первое Бакинское уездное училище, где преподавались русский и азербайджанский языки, история, география, арифметика и другие светские науки, и который был первым учителем азербайджанского языка и шариата, я подробно писал в статье «Первое светское учебное заведение в Баку» (газета «Зеркало» 27.07.2002г.). Одним из первых выпускников этого уездного

училища был его старший сын (дед Зейнала и мой прадед) – Мирза Зейнал Абдин бек Алиев (1826-1891). Он был дворянин, имел чин титулярного советника.

Старший сын Мирза Зейнал Абдина – **Кербалай Гаджи Ага бек Алиев** (отец Зейнала) – был коммерсантом. В сохранившемся его паспорте, выданным 25 января 1895 года, приведены записи о нём, его детях и женах:

1. Гаджи Ага бек Алиев
2. Звание – сын титулярного советника
3. Время рождения – 27 мая 1861г.
4. Вероисповедание – магометанское
5. Место жительства - г. Баку Бакинской губернии
10. Лица, внесенные в паспортную книжку:

жена – Марьям Ниса ханум Искендербекова, 17 лет,

сын – Зейнал Абдин бек Алиев, 10 месяцев,

2-я жена – Биби ханум Фахретдинова, 28 лет».

Позже было добавлено: при владельце находится сын – Джабраил бек, родившийся 24 февраля 1897г.

Сохранились у меня и его собственные письма на именных бланках его личного магазина, на именных почтовых конвертах.

На типографском бланке отпечатано: Французский магазин модно-галантерейных товаров. Г.А.Алиев. Баку. Николаевская ул. (ныне – Истиглалиййат) угол ул.Воронцовской (ныне – Ислама Сафарли), под гостиницей «Метрополь» (ныне – музей Низами).

До революции первый этаж нынешнего музея Низами занимал французский магазин отца Зейнал Абдина. На почтовом конверте также эмблема и адрес: «Г.А.Алиев, Баку, Николаевская ул., угол Воронцовской».

В паспорте отмечены визы по его многочисленным коммерческим поездкам на нижегородскую ярмарку, в Москву, Томск, в Польшу, Иран и т.д.

Через три года после смерти отца у Гаджи Ага бека 24 апреля 1894 года родился первенец, которого он назвал в честь своего отца. Позже у него родились сын – Джабраил бек и дочь – Сара.

Зейнал Абдин со дня рождения жил в отцовском доме по ул.Персидской 30 (ныне ул. М.Мухтарова), недалеко от дома дяди - моего деда по ул.Карантинной 29 (ныне ул. Ази Асланова).

Зейнал Абдин с детства увлекался рисованием, лепкой, резьбой по дереву, вырезал статуэтки. У нас дома висел нарисованный Зейналом маслом морской пейзаж, который мама хранила как память, а у меня до сих пор сохранилась вырезанная из дерева небольшая пудреница, которую Зейнал подарил своей 12 летней кузине - «эми гызы» и выгравировал на обороте старорусским стилем с «ять» дарственную: «Салиме отъ Зейнала. 13.6.1913г.»

Зейнал Абдин после окончания реального училища в Баку по настоянию отца поехал в Москву и в 1915 году поступил в Московский коммерческий институт, где продолжал образование до осени 1918 года.

Проучившись три года, он решил вернуться в Баку, где уже было рождено первое азербайджанское независимое государство – АДР. Он не хотел, как отец, заниматься

коммерческой деятельностью, его больше увлекало искусство, чему он с детства любил посвящать свободное время, а независимость родного отечества окончательно способствовали его твердому решению возвратиться на родину.

Работа над атрибутикой АДР

В Баку Зейнал Абдин был назначен на должность главного специалиста по особым поручениям Министерства почт и телеграфа АДР, где он мог свободно заниматься также любимым творчеством – живописью, скульптурой.

Правительство АДР уделяло большое внимание атрибутике независимого государства. 23 марта 1919 года было принято решение об объявлении конкурса на создание проектов государственного герба и государственной печати с изображением герба.

Государственный герб АДР и нагрудная медаль, выпущенная в честь открытия Азербайджанского парламента - 7.12.1918г.

После многолетних изысканий Мовсум Алиев установил, что автором эскизов и медалей, а также национального герба Азербайджана является Зейнал Алиев (Ализаде). И действительно, документально засвидетельствовано активное участие в изготовлении государственного герба, орденов и медалей будущего профессионального скульптора Азербайджана Зейнал Абдина Алиева.

На лицевой стороне изготовленных Зейнал Абдином из бронзы и сохранившиеся нагрудных и памятных медалей в честь открытия Азербайджанского парламента – выпуклое изображение здания парламента, по углам выступающего карниза центральной части развиваются знамёна Азербайджана, на фоне восходящего солнца, символизирующего рождение парламента независимого Азербайджана. И дата по старому календарю, соответствующая по новому стилю 7 декабря 1918 года. На медалях изображения восьмиконечной звезды и полумесяца в обрамлении тюльпанов.

Мовсум Алиев писал в 1989 году, что несмотря на прошедшие десятилетия, изготовленные Зейнал Алиевым медали современны, выполнены ёмко, лаконично, с высоким эстетическим вкусом и даже сегодня привлекают внимание любителей искусства.

Возвращение памяти

Как установил Мовсум Алиев автором эскизов первых почтовых марок, выпущенных 20 октября 1919 года, также является Зейнал Алиев.

По поручению Правительства Министерство почт и телеграфа в июне 1919 года начало подготовку к изготовлению первых почтовых марок. Изготовление проектов марок было поручено советнику по особым поручениям Министерства – художнику Зейналу Алиеву, и 20 октября 1919 г. первые национальные почтовые марки были выпущены.

Выполненные Зейналом эскизы и изготовленные при его участии марки достоинством 10, 20, 40, 60 гяпик, 1, 2, 5, 10, 25 и 50 манатов отображают война с трехцветным знаменем с 8-миконечной звездой и полумесяцем, крестьянина с серпом, а также воспроизводят украшенные восточным орнаментом виды родного Баку – комплекс дворца ширваншахов, вид на Бакинскую крепость, храм огнепоклонников.

И на всех марках на азербайджанском и французском языках надпись – «Азербайджан Джумхурияты» (АХСЕ т.1 с.162).

Первые марки АДР, выполненные Зейнал Абдином

Независимому государству были очень нужны высококвалифицированные специалисты. И парламент АДР в 1919 году принимает решение об отправке в ведущие университеты Европы 100 молодых людей за государственный счет. Для отбора учеников была создана авторитетная конкурсная комиссия.

Группа студентов, направляющихся в ведущие ВУЗы Европы. Париж, февраль 1920 г. Крайние справа стоят двоюродные братья Зейнал Абдин и Джафар Кязимов

Согласно сохранившемуся в госархиве собственноручному заявлению учащегося 5 семестра Московского коммерческого института Зейнал Абдина Алиева министру народного образования от 16.08.1919, представляя необходимые документы, он просил создать возможность завершить образование и направить его в Политико-экономическую Академию наук во Франкфурте–на-Майне, так как он уже сдавал экзамены по политико-экономическим предметам в Коммерческом институте и знает немецкий язык, либо просил направить его в Италию для получения архитектурно-скульптурного образования в Тоскано или в Риме, о чем Зейнал мечтал с детства.

В результате тщательного конкурсного отбора среди избранных для учебы студентов был и Зейнал Абдин бек Гаджи Ага бек оглу Алиев, которого отправили в г. Перуджа, для «завершения образования за государственный счет», как отмечено в выданном ему в министерстве 13.01.1920 года удостоверении.

Кстати, г.Перуджа за несколько веков до нашей эры был одним из важнейших городов этрусков. Он по праву является одним из очагов распространения итальянской культуры во всем мире. Город украшают великолепные дворцы, церкви, скульптурные ансамбли, а символом города является сооруженный скульпторами Николой и Джованни Пизано в 1227 году Главный фонтан – истинный шедевр искусства XIII века, украшенный скульптурами 3-х божеств добродетели – Веры, Надежды и Милосердия, скульптурами знаков Зодиака, символов 12 месяцев года и 24 статуями библейских персонажей.

Здесь же в Национальной галереи Умбрии – самая значительная коллекция произведений художников и скульпторов умбрийской школы XIII-XVIII веков, где учился живописи у своего учителя Перуджино и работал великий Рафаэль.

Однако после апрельского захвата власти большевиками в Баку судьба студентов оказалась трагичной. Им месяцами не высылали деньги на учебу, отношение к ним в корне изменилось. В результате среди учащихся, не сумевших оплатить обучение, были голодающие и вынужденные браться за любую работу в тяжелых условиях, были и попавшие в тюрьмы, и не найдя выхода, покончившие с собой. А те из них, кто с большими трудностями все же окончили обучение и стали высококлассными специалистами встали перед дилеммой – возвращаться или нет?

Не принявшие большевистских порядков и невернувшиеся сполна испили горькую чашу эмигрантской судьбы и стали по советским законам «врагами народа», а подавляющее большинство вернувшихся позже либо были сосланы в Сибирь и на Колыму, либо были расстреляны.

Зейнал Абдин не вернулся на родину, и, как я уже отмечал, о дальнейшей его судьбе мало что было известно.

Репрессированные двоюродные братья Зейнал Абдина Искендер Алиев (слева) и Джафар Кязимов. Москва, 1 июля 1917 г.

Двоюродный брат Зейнал Абдина и моей матери – **Джафар Кязимов** (на групповом снимке студентов стоит рядом с Зейналом), 1897 года рождения, окончивший в 1925 году Фрайбургскую горную Академию в Германии, вернулся, дослужился до вице-президента Аз ФАН СССР, в 1938 году был репрессирован и, отбывая наказание в лагерях Коми, стал первым открывателем на побережье Баренцева моря крупнейших урановых месторождений Советского Союза. И только в 1956 году после реабилитации, парализованным вернулся в Баку, оставшуюся часть жизни провел в таком состоянии.

Скончался 14 августа 1968 года. (АХСЕ, т.2, Баку 2005, с.78)

Другой его двоюродный брат (мой родной дядя) – **Искендер Алиев**, 1899 года рождения, окончивший экономическое отделение МГУ им. М.Ломоносова, и экономические курсы Института Красной профессуры, работал председателем АзЦСУ, председателем Госплана республики, был членом АзЦИК, и ВЦИК СССР, преподавал в МГУ и других ВУЗах, также был арестован и расстрелян в возрасте 38 лет (см. газ. «Бак.рабочий» 13.08.1991).

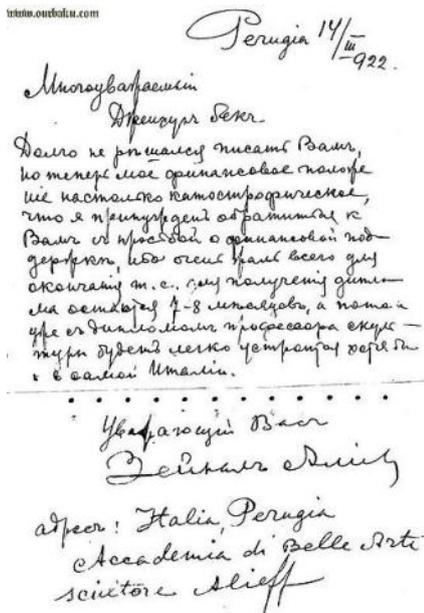
Эмиграция

Многие из обреченных на тяжелые условия эмиграции, как и Зейнал Абдин, поддерживали связь и имели моральную поддержку от видного лидера азербайджанских эмигрантов Джейхун бека Гаджибейли – брата Узеир бека, жившего в Париже и посвятившего всю свою жизнь непримиримой борьбе за восстановление независимости родного Азербайджана.

В большом архиве Джейхун бека много писем от обучающихся в Европе студентов–посланцев АДР, которые писали о своих тяготах, тяжелом материальном положении и просили помощи. Нашлись в архиве и три письма, адресованных Джейхун беку Зейнал Абдином.

Должен заметить, что некоторые журналисты, не нашедшие, к сожалению, в спецфондах этих писем, ссылаясь на другие неточные источники, где они изложены по-азербайджански (письма Джейхун беку написаны Зейнал Абдином убористым мелким почерком в старорусском стиле с «ять»), допустили ряд искажений. Не обошла эта неточность и меня в упомянутой первой статье в газете «Зеркало», так как мне пришлось использовать опубликованные ими данные.

Недавно Рамиз Абуталыбов передал мне ксерокопии всех трёх писем, а также ряд фотографий творений Зейнал Абдина, которые, думаю, заслуживают подробного изложения.

Факсимиле начала и окончания письма Зейнала Джейхун беку

Письмо первое:

«Италия, Перуджа 14.03.1922.

Многоуважаемый Джейхун бек.

Долго не решался писать Вам, но теперь моё финансовое положение настолько катастрофическое, что я принуждён обратиться к Вам с просьбой о финансовой поддержке, ибо очень жаль, всего для окончания, т.е. для получения диплома остается 7-8 месяцев, а потом уже с дипломом профессора скульптуры будет легко устроиться, хотя бы и в самой Италии....

...Мое исключительное положение, как единственного артиста - скульптора (слово «артист» согласно «Словарю иностранных слов» означает – лицо, достигшее в какой-либо области высокого мастерства –З.А.), так и пенсионата, который за два года и два месяца сделал так много (4 курса), что теперь готовится к дипломной работе, дает мне право надеяться, что просьба найдет у Вас живое сочувствие и будет уважена Вами...

...При сем прилагаю вырезки из журналов – краткая рецензия о моих последних работах, исполненных мною по заказу музыкального Общества «Polifonica», которая избрала меня своим почетным членом. В скором времени в двух журналах искусства будут напечатаны фотографии с моих работ и их критика, ... к весне в будущем году в Риме устрою или личную выставку или же буду участвовать в общей ежегодной художественной выставке...

Остаюсь в ожидании ответа.

Уважающий Вас Зейнал Алиев.

Адрес: Italia, Perugia, Accademia di Bella Arti - scultore Alieff ».

Как видно, в отличие от посланных АДР в Европу студентов, получавших высшее образование в течение 5 лет, Зейнал Абдин, несмотря ни на какие трудности, за два года и два месяца завершил 4-х летний курс обучения и готовился к получению диплома профессора скульптуры, выполнял много заказных работ, участвовал в выставках...

Во втором письме Зейнал Абдин также пишет о планах, о постоянной необходимости преодоления материальных трудностей:

«Italia, Perugia. 10.04.1922.

Многоуважаемый Джейхун бек.

С большой радостью получил Ваше милое письмо от 30 марта, не сумел ответить тотчас же, ввиду морального упадка, чему виной, вне сомнения, неясность ближайшего будущего, а теперь немного легче, собрался с духом, чтобы поблагодарить Вас за доброе внимание.

Ваш совет относительно 2-3 лиц и таким образом как-нибудь продержаться, был бы сносен, но откуда этих лиц наберешь, здесь в Италии наших нет, а про итальянцев немислимо и думать, их материализм Вам, должно быть, уже известен.

Я решил сделать так. Завтра еду во Флоренцию жить в одном маленьком театре, а потом в двух кино после сеансов и таким образом сумею жить 10-12 дней. Если к этому времени от доктора ничего не получу, то уеду в Турцию, где для меня ищут и позондируют почву для работы портрета-бюста. Надеюсь, что там сумею вполне дожидаться его приезда, а если он совсем не приедет, то на сделанное там сбережение приеду снова готовиться. «Артист всегда молод и всегда может взяться за искусство» - говорят итальянцы.

Что касается Вашего доброго пожелания посылать до августа по 100 фр., скажу откровенно, во-первых, мне очень и очень не удобно их брать у Вас в такое именно время, когда Вы сами ничего не получаете, во-вторых, Вам самому они нужны, а один - я легко могу и уехать, и поголодать, что так знакомо. Ваше положение совсем иное. Я Вам неограниченно благодарен и постараюсь отплатить Вам «данью искусства». Есть надежда, что я на будущий год приеду в Париж, похлопочет об этом один скульптор-американец бывший ученик Rodena (Рене Франсуа Роден – великий французский

Возвращение памяти

скульптор, живший и умерший недалеко от Парижа 4-мя годами ранее.– З.А.), тогда я Вам сделаю Ваш бюст.

Теперь я еду во Флоренцию, и если я там не сумею заработать хотя бы совсем немного, то тогда я Вас попрошу, выслать мне на выплату долгов и отъезд в Турцию 500 фр. только в виде ссуды, которую верну вам уже из Турции. Это единственная перспектива..., другого выхода нет, сидеть здесь, набирая долги, – чудовищно.

При сем, шлю Вам кое-какие фотографии с моих старых прошлогодних работ, и мою фотографию на память.

Поклон Вашей супруге.

Остаюсь уважающий Вас З.Алиев.

Адрес: *Italia, Perugia, Accademia di Bella Arti - scultore Alieff* ».

Как видно из письма, после смерти великого Родена бывший его ученик скульптор-американец налаживает связь с Зейнал Абдином, как с уже достаточно известным скульптором, и активно хлопочет о его переезде в Париж для продолжения учёбы и работы у него. Позже, друзья добьются разрешения выехать Зейналу в США, проживать и работать там в течении года.

Из писем видно, что рецензии о выполненных работах, фотографии некоторых из изготовленных портретов-бюстов Зейнал Абдин периодически посылал Джейхун беку Гаджибейли.

Все публикуемые фотографии бюстов, переданных мне Рамизом Абуталыбовым из архива Джейхун бека, сделаны в Италии, в Перуджа примерно в 1922-25 годах, так как на них есть характерная печать фотоателье - FOTOGRAFIA NATALINI. PERUGIA, а в нижней боковой части самого бюста виден выгравированный автограф Зейнала - ALIEFF и дата.

Бюст Бетховена

Бюст-портрет студента Г. Месхи

Бюст С.Залевского, отлитый в гипсе

Некоторые журналисты, публиковавшие ранее эти фотографии скульптурных работ Зейнал Абдина, не знали, что один из показанных бюстов является портретом студента Г.Месхи, а другой они ошибочно называли «автопортретом», хотя, на самом деле, он является портретом прославленного оперного артиста Сигизмунда Залевского.

Зейнал Абдин становится уже рано признанным скульптором, завоевывает известность. К нему обращаются с заказами, он устраивает в Италии выставки своих произведений...

И одним из тех, кто пожелал заказать изготовление своего портрета-бюста именно Зейнал Абдину был известнейший бас-баритон оперы, выдающийся камерный певец и режиссер Сигизмунд Залевский.

На фото из архива Джейхун бека Гаджибейли солист миланского театра «Ла Скала» С. Залевский позирует Зейналу Абдину в его мастерской в г.Перуджа

Сигизмунд Сигизмундович Залевский (1885-1945) родился в г.Бельцы, в Молдавии, обучался пению в Кишиневе, затем в римской академии «Санто-Чечилия». С 1910 года солист Петербургского Мариинского театра, был партнёром Ф.Шаляпина в опере «Князь Игорь», пел в Одесской и Киевской оперных театрах.

В 1920 году после блестящего выступления в оперном театре им. Дж.Верди в Триесте в партии Бориса Годунова (кстати, по весьма высокой оценке Ф.Шаляпина – одной из лучших его партий, которую он пел на шести языках), он получил приглашение великого А.Тосканини в миланский театр «Ла Скала», где вместе с ним и работал. В Советском Союзе о нём не писали...

Часто гастролировал в Берлине, Вене, Бухаресте, Будапеште, Софии, Белграде, Праге, Варшаве, в Париже (в 1925-26 годах пел в театре «Гранд-Опера»), в Барселоне, Мадриде, Риме, Неаполе, Генуе, Южной Америке. С 1922 года вел и режиссерскую работу и поставил ряд опер в ведущих театрах Европы.

Как видно, Зейнал работал, в основном, в стиле реализма, однако, по мнению скульптора Наримана Мамедова, чувствуется и влияние импрессионизма, которое особенно заметно в скульптурном портрете Бетховена.

Конечно, найдена пока чрезмерно малая часть произведений Зейнал Абдина, чтобы можно было объективно рецензировать его работы, но можно надеяться, что в ближайшем будущем жизнь и деятельность Зейнал Абдин бека, его творчество, его скульптурные произведения будут шире представлены его народу, и тогда можно будет полнее говорить об их профессиональных особенностях.

В 1925 году Зейнал Абдин, в связи с болезнью матери - Марьям Ниса ханум, хотел выехать в Баку, но не смог. К этому времени и его отец - Кербалай Гаджи Ага бек, и дядя - отец Искендера Алиева (мой дед), и отец обучающегося в Германии Джафара Кязимова уже скончались, и двоюродные братья из-за рубежа, поддерживали родственную связь с единственным оставшимся дядей – Мамед Али беком Алиевым, у которого не было своих детей, писали ему (некоторые их письма сохранились у меня), а их сестры постоянно навещали дядю.

Недавно у родственников удалось найти чудом сохранившееся фото, которое Зейнал Абдин переслал из Рима Мамед Али беку в 1925 году.

Зейнал Абдин Алиев - фото с дарственной дяде Мамед Али беку Алиеву Рим 17 декабря 1925 года.

Третье дошедшее до нас письмо написано Зейнал Абдином Джейхун беку Гаджибейли уже через 5 лет из Рима 27 августа 1927 года :

«Многоуважаемый Джамо бек.

Вы можете себе представить насколько Ваша милая открытка меня обрадовала; я безмерно рад и счастлив после долгого перерыва получению от Вас известий.

Чуткость Вашей артистической души не впервые отзывается на мой клик – я вам очень и очень благодарен за Ваше внимание и доброе отношение как в прошлом, так и теперь.

Я один, совершенно один, никого из наших не вижу, не слышу, ни с кем не переписываюсь. Конечно не по моей вине все это. Никто из наших - будь это студент, будь это наш коммерсант - не обращался ко мне, не приближался ко мне с какой-нибудь целью помимо материальной. Кто просил денег, кто - помощи, кто - чтобы я оставил мои собственные дела, ездил с ними ... устраивать их оплошности. Вот почему я ничего знать не хотел о наших, ибо очень многое потерял благодаря их назойливости и моей доброте и любезности..., думаю, что Вы сможете меня понять, потому что я многим казался и чудовищем, и изменником, потому что не поехал домой, чему причиной было то обстоятельство, что Комитет и Ибад Алиев после окончания мною Академии приглашали приехать в Берлин и оттуда домой, и ни в коем случае не хотели давать мне мои дорожные деньги здесь в Италии, что меня очень оскорбило, и я прекратил с ними всякую переписку.

В 1925 году моя мать сильно заболела, она очень хотела меня увидеть и я спросил разрешения на выезд, что мне разрешили после пяти месячного ожидания, но деньги на отъезд из дома не прибыли, хотя Сара, моя сестра, меня уверяла, что они через Азнефть мне послали 25 фунтов, но я ничего не получил. Ясно, что вопрос о поездке сам собою отпал. Моих личных средств нет, это ясно, при существующей безработице нужно благодарить Бога, если еще кое-как существуешь и продолжаешь жить в ожидании чего-то неопределенно лучшего...

Когда я написал эту открытку, я тем самым хотел спросить у Вас кое-какие сведения относительно жизни во Франции, потому что в Италии нельзя больше жить своим заработком, ибо абсолютно нечего зарабатывать, это, по моему сравнению, культурная и организованная Персия, которая так близка нашей земле и которую очень хорошо знаем. Вот почему я решил было переменить мое место жительства.

Когда я писал Вам ту открытку я жил в Villa Ubaid – это один монастырь со школой, где я преподавал историю и географию за гроши, довольствуясь только пансионом и где мне отвели маленькую мастерскую. Я жил там в надежде подыскать возможность, чтобы выехать из Италии и приготовить паспорт. Но монахи, оказывается, думали иначе. Они хотели меня перекрестить и сделать монахом, и когда я узнал об этом, то сейчас же ушел оттуда.

За это время сделал один портрет памятника, что мне дает возможность еще продолжать жить. Как-только я ушел из монастыря, получил извещение и разрешение из Соединенных Штатов Америки о моем выезде туда и проживании там на один год, и то хлеб, не правда? Я сейчас же спросил деньги на дорогу из Баку, откуда ни одной копейки не получил с тех пор, как уехал из дому.

По истечении установленного срока я поеду в Бразилию, где у меня остались друзья и потом вновь вернусь в Соединенные Штаты Америки, где есть мой школьный товарищ – еврей, который мне устроил место и подыскал даже богатую невесту. Вот как Вы видите, мне очень выгодно теперь поехать в Америку, чем во Францию, но я сделаю все возможное, чтобы, если удастся, проехать через Францию. Нахожусь в ожидании ответа из дому и из Америки.

*Поклон Вашей супруге.
Пишите, не забываете меня.
Искренне ваш Зейнал.»*

Зейнал Абдин пишет, что его очень оскорбило отношение Комитета и Ибада Алиева, не желавших выслать ему дорожные деньги для возвращения на Родину. Однако, иные журналисты в опубликованных статьях эту фразу передают, как, якобы Зейнал в письме Джейхун беку «...вспоминает и об обучающемся в Берлине студенте Ибаде Алиеве и о прибывшей к нему сестре Саре...» .

На самом деле, Ибад Алиев (1879-1938) в 1920 году, как представитель Азнефти, был направлен в Берлин и занимался обеспечением обучающихся в европейских ВУЗах студентов стипендией и платой за обучение. Позже, он работал в АзИИ, также был репрессирован и 7 января 1938 года расстрелян.

Родная сестра Зейнал Абдина – Сара никогда не ездила к брату. В моем архиве сохранился мандат, выданный 11 июня 1921 года инструктору школьного отдела Наркомпроса Аз.ССР Алиевой Саре в том, что «она командирована в селение Бузовны для заведывания в течение трех летних месяцев детским домом, и квартира её находящаяся по Карантинной ул. 29 ни уплотнению, ни реквизиции не подлежит. Нарком просвещения Д.Буньятзаде». Сара ханум жила в то время в доме моего дедушки, вместе с «эми гызы» – моей мамой. Позже она вышла замуж, и у неё родились сын Талят и дочка Марьям.

У меня сохранились фотографии Сары ханум с маленьким Талятом, а также письма, которые она писала дяде Мамед Али беку из Гянджи, из семьи мужа - Абдуллы Арабова.

Пишет, что в Гяндже и у родственников мужа в Казахе широко отмечали рождение сына, что скучает по Баку, мечтает в скором времени приехать, с дочерней любовью обнять дорогого дядю, как родного отца.

Итак, Зейнал Абдин, досрочно и успешно завершивший в 1923 году обучение в Академии искусств в Италии с дипломом «профессора скульптуры» без положенных, но не высланных ему из Баку денежных средств, не смог (или не захотел) возвратиться в большевистский Азербайджан. Продолжал в эмиграции преодолевать материальные трудности и создавать портреты-памятники, скульптуры. Получил разрешение на работу в США в течение года, где возможно и дальше продолжал жить и творить.

Возможно, в поисках работы Зейнал Абдин направлялся и в родственную Турцию, где публиковал свои статьи, посвященные памятникам архитектуры и искусства – мировым шедеврам родного Азербайджана.

В вышедшей в 1934 году в Турции, в 2-х номерах сборника «Azərbaycan Yurd Bilgisi» статье «О прекрасных произведениях искусства Азербайджана» под псевдонимом «Скульптор Зейнал А.Сарай», он не только с большой тонкостью описал образцы древнего и средневекового искусства родного края, но и представил фотографии Храма огнепоклонников в Сураханы, Дворца Ширваншахов с судилищем и ханской мечетью с видом на Баиловский мыс, Девичьей башни, Ворота судилища ханского дворца и Бибиэibatской мечети с мавзолеем.

В 1954 году в возобновившемся после 20 летнего перерыва этом же журнале была опубликована статья Зейнала «История святилищ азербайджанца Заратуштры», на этот раз под псевдонимом «Зейнал Аккоч». Было установлено, что это несколько сокращенный вариант той самой статьи Зейнала, опубликованной в 1934 году, с измененным псевдонимом, но неизвестно, сделал ли это сам автор, и главное, был ли он к тому времени жив, либо это сделала редакция, ввиду большого интереса к материалу о памятниках искусства Азербайджана, что также подтверждает несомненный интерес к творчеству

самого Зейнал Абдина. Много о дальнейшей судьбе Зейнал Абдина – где он жил, творил, и где умер, к сожалению, нам не известно. По требующему уточнения одному из сообщений, он похоронен в Перудже, в Италии.

А пока, мы с полной определенностью можем утверждать, что в результате многочисленных изысканий энтузиастов неизвестной истории азербайджанской культуры, имя первого азербайджанского профессионального скульптора, автора первых нагрудных медалей, марок и государственных символов Азербайджанской Демократической Республики Зейнал Абдин бека Алиева возвращается своему народу.

Фотоальбом "Семья Зейнал Абдина Алиева"

Гаджи Ага бек и его брат Мамед Таги бек с малюткой Зейнал Абдином (Баку, 1894)

Зейнал Абдин с родителями (Баку, 1910-1911)

Сестра Зейнал Абдина Сара ханум с сыном Тялятом. (Баку, 1927)

Баку, ул.Персидская дом 30, где родился и жил Зейнал Абдин и его семья

Земфира Зейналлы, Ирина Зейналлы, Татьяна Сперанская

Шарифова (Шариф-заде) – Зейналлы Сейяра Саттар кызы – учительница, репрессирована

1907 – 1982

Сейяра ханум родилась в 1907 году в Баку в семье Шарифова (Шариф-заде) Саттара (Сафтара) Хаджи Малик оглы и Шарифовой (Шариф-заде) Доста-ханум Мамед кызы.

Её отец Сафтар Шарифов [1] был рыбопромышленником, имел свои пароходы.

После установления Советской власти в Азербайджане по совету зятя – Ханафи Зейналлы – добровольно отдал всё, за что не только избежал репрессий (национализированные дома не в счёт), но и был оставлен на своих же промыслах в качестве то ли председателя, то ли директора. В общем, главой. Ходил со своими рыбаками по Каспию на бывших своих пароходах.

Умер по неуточненным сведениям в 1931-м или 1932-м году прямо в море. Род Шарифовых из Бюль Бюли, там и сейчас проживают какие-то их ветви. Пока Сейяра-ханум была жива, ещё общались.

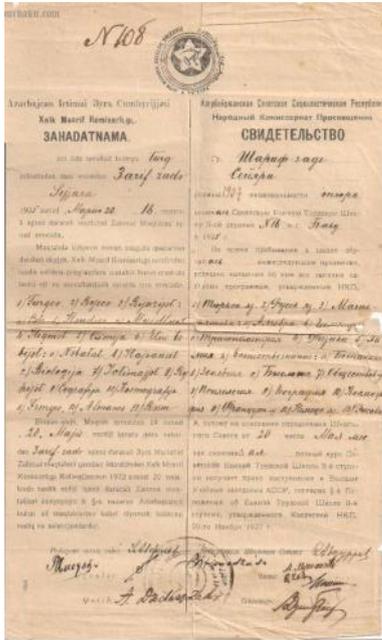
Её мать – Доста-ханум Мамед кызы – была дочерью провизора Мамед Ганифа Мустафаева, который учился в Иране и владел аптекой на Базарной улице в доме Мамедова, и дочка Сейяры - Земфира бывала там с бабушкой в детстве. По её воспоминаниям, это где-то в районе шахматной школы [2]

Об этой линии семьи больше ничего неизвестно.

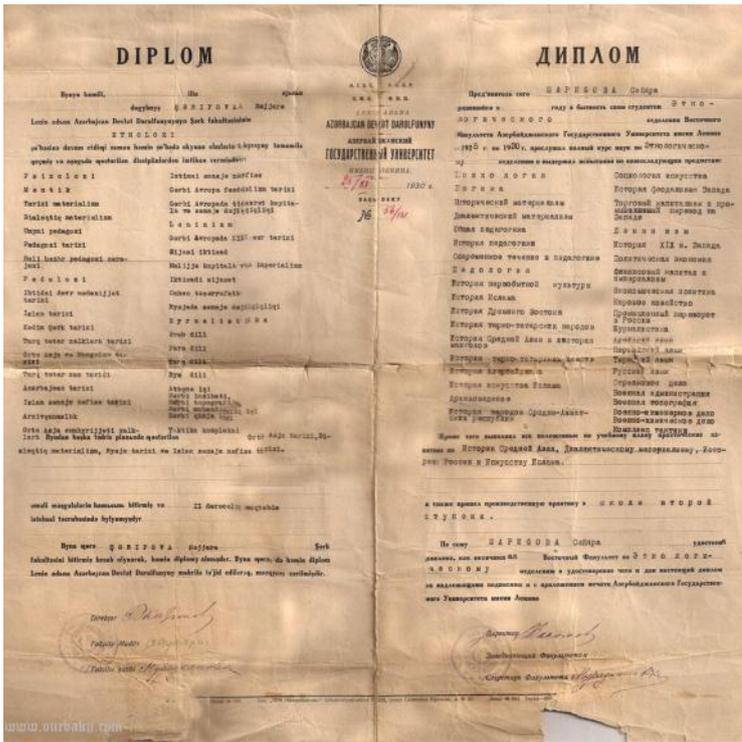

Возвращение памяти

У Саттара и Доста ханум Шарифовых было четыре сына и три дочери.

В 1925 году Сейяра окончила Советскую Единую Трудовую Школу 2-й ступени № 16 города Баку. Свидетельство об окончании №108 выдано 20 мая 1925 года.

Затем в 1930 году Этнологическое отделение Восточного Факультета Азербайджанского Государственного Университета (тогда ещё он был им. Ленина). 25 ноября 1930 года был выдан диплом № 56/131.

Сейяра ханум говорила, что это был один из первых выпусков АГУ, в котором были девушки.

Она стала работать учителем азербайджанского языка в школе №16 города Баку.

Ханафи Зейналлы

В начале 1937 года ее муж Ханафи Зейналлы был арестован и обвинен в участии в пантюкистском движении (дело № 3404).

Ханафи Зейналлы

Характеристика, данная Шарифовой в школе в апреле 1937 года

Выписка из Приказа об увольнении Шарифовой из школы от 9 октября 1937 года

9 декабря 1937 года Сейяра ханум была осуждена на 8 лет ИТЛ.

Срок восьмилетнего заключения истек в 1945 году, но не выпустили никого, и только в 1946 году она получила свободу, и именно этот год ожидания дался тяжелее всего.

По возвращении из лагеря Сейяре запретили жить в больших городах и работать по специальности. Она некоторое время провела в Баку (вот тут воспоминания не совпадают: кто-то говорил – 48 часов, кто-то – несколько месяцев. Её очень уважали в семье, и никто бы не донёс, что она находится дома).

По дороге из лагеря где-то в поезде она познакомилась с женщиной по имени Мария, заведующей детским садом в чайном совхозе под Закаталами. И так как оставаться в Баку она не могла, Сейяра уехала в этот совхоз. Фамилия этой женщины неизвестна, в семье она

так и осталась только Марией. И когда называлось это имя, все понимали, о ком идёт речь.

Там в чайном совхозе Сейяра сначала начала было работать нянечкой, но ей запретили как жене врага народа, и она стала уборщицей. Но в совхозе к ней очень хорошо отнеслись, а кроме того, она потрясающе вышивала и этим подрабатывала.

Сохранилось несколько её работ гладью и филе, работы просто невероятные.

Этим она и подрабатывала. Вскоре она освоилась настолько, что решила детей забрать к себе на свежий воздух и деревенскую еду.

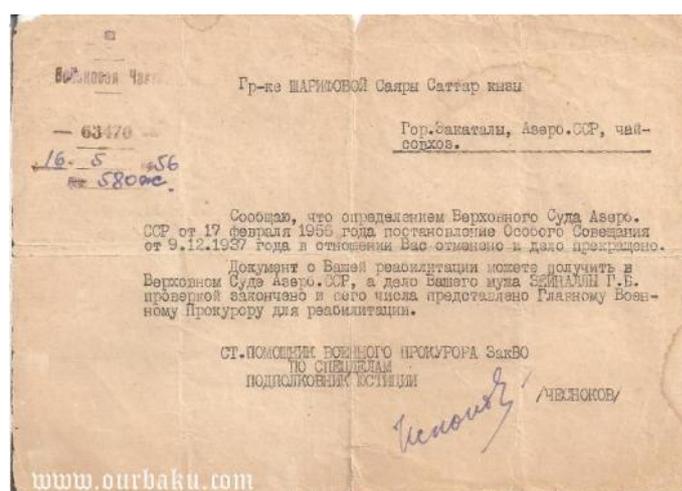
К ней поехала только дочь Земфира. И до 8-го класса училась в Закаталах. Только после реабилитации они смогли вернуться в Баку.

Сын остался в Баку и учился в 6-й школе, когда сын какого-то партийного работника заявил, что не желает учиться вместе с сыном врага народа, Азеру пришлось уйти. А так как он играл на флейте, то поступил в музыкальное училище, закончил его и поступил в консерваторию. Но со второго курса ушёл, пошёл в вечернюю школу, закончил её и поступил на физмат Университета.

20 февраля 1956 года приговор был отменен и Сейяра Саттаровна Шарифова-Зейналлы была реабилитирована за отсутствием состава преступления. Но ни мужа, ни молодость, ни 19-ти лет жизни это вернуть не могло.

1956 г. Справка о реабилитации Сейяры Саттаровны.

1956 г. Справка о реабилитации Ханафы Зейналлы.

Азер Ханафиевич Зейналлы стал крупным учёным, вот только работал на Минобороны СССР, потому как физик широко известен только в узких кругах. Зато как шахматиста его знала половина Союза.

Земфира Ханафиевна Зейналлы после возвращения в Баку закончила в 1955 году Педагогическое училище физического воспитания при БОНО по специальности преподаватель физкультуры, а затем в 1959-м году – Азербайджанский Государственный институт Физической культуры. С тех пор работала тренером по прыжкам в воду. С 1988 года на пенсии.

Из воспоминаний Ирины Зейналлы:

Я - внучка Ханафи (Ханифа) Зейналлы и Сейяры Шарифовой (Шариф-заде). Моя мама – их дочь.

Как жаль, что только став взрослыми и прожив большую часть жизни, мы начинаем понимать, как многого не успели сказать и сколько не успели выслушать, узнать, прочувствовать.

Я знала, какая тяжелая и страшная судьба выпала не долю моей бабушки, но она не любила и не могла об этом рассказывать, у неё поднималось давление и ей становилось плохо. Она была очень сильной женщиной, потому и выдержала все муки, но потеряла в ГУЛАГе здоровье и справиться с гипертонией не смогла. Это было одной из причин, по которой расспрашивать её было нежелательно.

У неё было четыре инсульта, второй и четвёртый - очень тяжелые, с почти полным параличом. После четвёртого её уже не спасли.

Когда к нам приходили её подруги, они тоже НИКОГДА не говорили о прошлом. Сейчас я их понимаю. Мне кажется, что после реабилитации она как будто сказала «Этого в моей жизни не было». И вычеркнула раз и навсегда.

Бабушка не любила вспоминать **ВООБЩЕ**. О прошлом она почти не говорила. Очень-очень редко всплывали какие-то ассоциации. Например, я учила (по азербайджанскому языку) биографию какого-нибудь писателя или поэта. Она могла вдруг вспомнить его шуточное прозвище, или какую-нибудь фразу, сказанную им. Или я читаю «Войну и мир», и там встречается фраза на французском. Перевод, конечно, в сноске есть, но как это прочитать? А она спокойно читает и переводит мне, не нуждаясь в сносках и словарях.

По словам мамы, а она рассказывала со слов моей прабабушки - Досту-Ханум Шарифовой, у прадеда в Баку было три дома.

Советская власть оставила его семье две комнаты в одном из домов, где Досту ханум осталась жить со своими детьми, - это трёхэтажный дом по улице Видади № 68, всё остальное было национализировано.

Дети выросли и уходили, так и моя бабушка, выйдя замуж за Ханафи Зейналлы, ушла жить к нему. Точного адреса я не знаю. Знаю только, что у них была двухкомнатная квартира на Касум-Исмайлова (Зяргярпалан), которая и была конфискована в 1937 году.

Когда я была совсем ребенком, мама как-то раз показывала мне этот дом. Помню только, что он был недалеко от тогдашнего Бюро по обмену квартир.

А когда 1970 и 1971 годах я была в пионерском лагере «Спутник» Бакинского округа ПВО в Мардакянах, то возле самого лагеря, чуть ли не дверь в дверь, мама показала мне дачу и сказала: «Это бывшая наша дача».

Когда в 1937 году арестовали дедушку с бабушкой, маме было всего 4 года. Её с братом забрали в детский дом. Но по настоянию Досту ханум ее сын Нияз и дочь Мяхбуба сумели вернуть детей и привезли их к ней, в эту самую квартиру.

Перед войной дядя Нияз женился, и бабушка с детьми перешла жить в бывшую кладовую, оставив комнаты молодым. Так по иронии судьбы и жила владелица дома в собственной кладовой.

Досту-ханум Шарифова – это отдельный разговор. Она была неграмотной женщиной, но все, кто её знал, вспоминали её как человека высочайшей внутренней культуры. Все зятья и невестки называли её «ана» - мама. Другого слова для неё не было.

И безропотно несла она свой крест.

«Ханум», очень обеспеченная, почти богатая женщина, оказалась в страшной нищете. Чтобы прокормить внуков, в годы войны ходила стирать чужим людям. И никогда ни одного слова жалобы...

Я не могу её помнить, мне было полтора года, когда её не стало. Но в очень трудные девяностые годы 20-го столетия мне помогала выжить память о ней. Ей было намного хуже, а она жила и поддерживала своих близких...

Сюда и вернулась после реабилитации в 1956 году бабушка. А в 1959 году, через 25 лет после ареста, она получила взамен своей конфискованной двухкомнатной квартиры однокомнатную на поселке Монтина, на улице Ага Нейматуллы дом № 45, кв.36.

В этом же доме, в соседнем подъезде получила квартиру и Надежда Васильевна (Барина), пережившая такие же страдания.

Бабушка умерла в 1982 году, и квартира осталась государству.

А биографию деда я знаю по статье Зии Буниятова. Бабушка говорила, что дед был один, никого из родных у него в живых не было.

А сейчас я всё чаще думаю, что, возможно, родственники и были. Просто если в 37-м году они отказались от деда, она этого не простила. Она была очень властная, крутая женщина. Я уже говорила: она никогда не вспоминала о 37-м. Как отрезала. Вот и с людьми было также, если она решала, что человек недостоин, она просто вычёркивала его. Он переставал для неё существовать. Шарифовы – не отказались, поддерживали, как могли, ни разу не усомнились в невинности как деда, так и её. И после возвращения (ещё до реабилитации) весь большой род – почти клан! – Шарифовых к ней относился с огромным уважением, чуть ли не восхищением. А уж после реабилитации и говорить нечего. Она была как будто на пьедестале. И она всегда чувствовала себя членом большой семьи.

Повторюсь, что только став взрослыми и прожив большую часть жизни, мы начинаем понимать, как много не успели сказать и сколько не успели выслушать, узнать, прочувствовать.

И как хочется мне, чтобы мой сын знал историю нашего рода и мог по праву гордиться им.

Примечания:

[1] В документах иногда стоит – Сафтар, иногда – Саттар и с фамилией тоже самое – иногда – Шарифовы, иногда – Шариф-заде)

[2] На Базарной улице помешалась знаменитая восточная аптека братьев Хакимовых под названием «Аттар». Здесь продавались лечебные травы, корни, всевозможные виды лекарственных растений. Запахи цветов и трав разносились по всему кварталу, аптека находилась на углу ул.Карантинная. Но фамилии Доста ханум никто не помнит.

И снова Ирина Зейналлы:

Я нашла фотографию бабушки. То, что это - она, я знаю. Но вот дальше - загадка.

Это паспарту. Во втором ряду четвёртая слева сидит Сейяра.

На обороте плохо различимая надпись, да ещё и на "эски алифба". Но два числа просматриваются отчётливо - 1929 и в тексте - 25.

Как Вы помните, закончила Университет она в 1930 году и начала работать в 16-ой школе. Тогда это что за люди? Может быть, пед. практика? Хотя я не знаю, была ли в те годы педпрактика.

И что означает 25? Может, дата, а может - номер...

Может, кто-нибудь узнает хоть кого-нибудь на этом снимке?

Земфира Зейналлы, Ирина Зейналлы, Татьяна Сперанская

Зейналлы Ханафи Баба оглу - востоковед, литературный критик, репрессирован

1896—1937

Ханафи Зейналлы — известный востоковед.

Родился 24 марта 1896 года в городе Баку.

Основой его творчества было просветительство, которое было необходимо его народу, а основной темой его критических статей было творчество писателя Джавида.

При этом Зейналлы рассматривает социально-философскую сущность творчества Джавида, сопоставляя произведения Джавида, Фикрета и Хамида.

Ханафи Зейналлы занимался и народным творчеством, собрав образцы азербайджанского фольклора в книгу «Азербайджанские пословицы», где впервые дал их тематическую классификацию.

Работал главным редактором в Азербайджанском государственном издательстве (1923-1929).

Вот все, что можно узнать из Литературной энциклопедии. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939.

О его жизни нет почти никаких сведений, у семьи нет фотографий.

К нашему счастью, благодаря усилиям Ирины Зейналлы, одно фото все таки найдено!

Мальчик рядом с Ханафи - один из братьев его жены Сейяры Шарифовой (Баку, март 1912 г.)

Вспоминает внучка Ханафи Баба оглу Ирина:

"Из Зейналлы я не слышала ни о ком. Бабушка говорила, что дед был один, никого из родных у него в живых не было.

Что я знаю о родителях деда: его отец был известным кузнецом, сейчас бы сказали - мастером художественнойковки. Делал кованые решётки, детали интерьеров. Последнее место работы - дворец Мухтарова (нынешний дворец Счастья). Он делал для него чугунные решётки для каминов и окон. И сорвался с верхнего этажа во время установки. А мать деда была, по-моему, прачкой или уборщицей.

А сейчас я всё чаще думаю, что, возможно, родственники и были. Просто если они в 37-м отказались от деда, бабушка бы этого не простила. Она была очень властная, крутая женщина.

Я уже говорила - она никогда не вспоминала о 37-м. Как отрезала. Правда, один раз она нарушила своё молчание.

Аспирант (по-моему, филфака – видите, я почти ничего не помню. Мне сейчас это очень горько!) Расим Тагиев писал работу по творчеству деда и разыскал бабушку. Он ей очень понравился, и она стала рассказывать.

Я ещё училась в школе, следовательно, это годы 1975-1978. Он приходил к ней, спрашивал, рассказывал сам. И то, что он рассказывал, было ничуть не менее интересно.

Тогда мой дед считался основоположником азербайджанской литературной критики. Мама говорила, что в 60-х годах ему был посвящён отдельный зал в музее Низами.

Но постепенно о критических работах говорить перестали, и когда в музей Низами попала я, была уже только скромная небольшая фотография на стене, и он считался только фольклористом.

И вот Расим объяснил, почему. Он сказал, что ему удалось разыскать в подшивках старых газет (а каких, я не знаю) критические статьи деда.

Но когда он попытался их переиздать, оказалось что они уже изданы другим человеком. Под его именем. И этот человек на этих статьях, в которых он не потрудился изменить ни одной запятой, сделал себе имя в азербайджанской литературе, защитил докторскую диссертацию, стал академиком – за счёт деда. На тот момент он был жив, известен и успешен. А Расиму запретили поднимать вопрос о плагиате.

И вот тут бабушка вспомнила, что вскоре после реабилитации этот человек приходил к ней и предлагал выкупить рукописи деда.

Бабушка ответила: «Разве от Ханафи что-нибудь осталось, чтобы остались рукописи?». И он, успокоенный, ушёл.

Имя этого человека они знали, но ни я, ни мама моя имени не знаем.

Тогда Расиму удалось набрать лишь несколько ранних работ, оставшихся неприсвоенными. Этот сборник – как сейчас помню, серо-стального цвета, в твердом переплёте, довольно большой – был издан в 1982 году, уже после бабушкиной смерти.

И после смерти Расима. Он ушёл очень молодым, от сердечного приступа. Вероятно, его очень потрепала эта история.

Кстати, маленький личный комментарий – нашей семье не дали гонорар, объяснив, что не положено, потому что переиздание произошло спустя более чем 25 лет после первого издания. И на слова мамы: «Но ведь его репрессировали!» - был ответ: «Ну и что?».

Но, к сожалению, этого сборника у нас нет – затерялся при переездах.

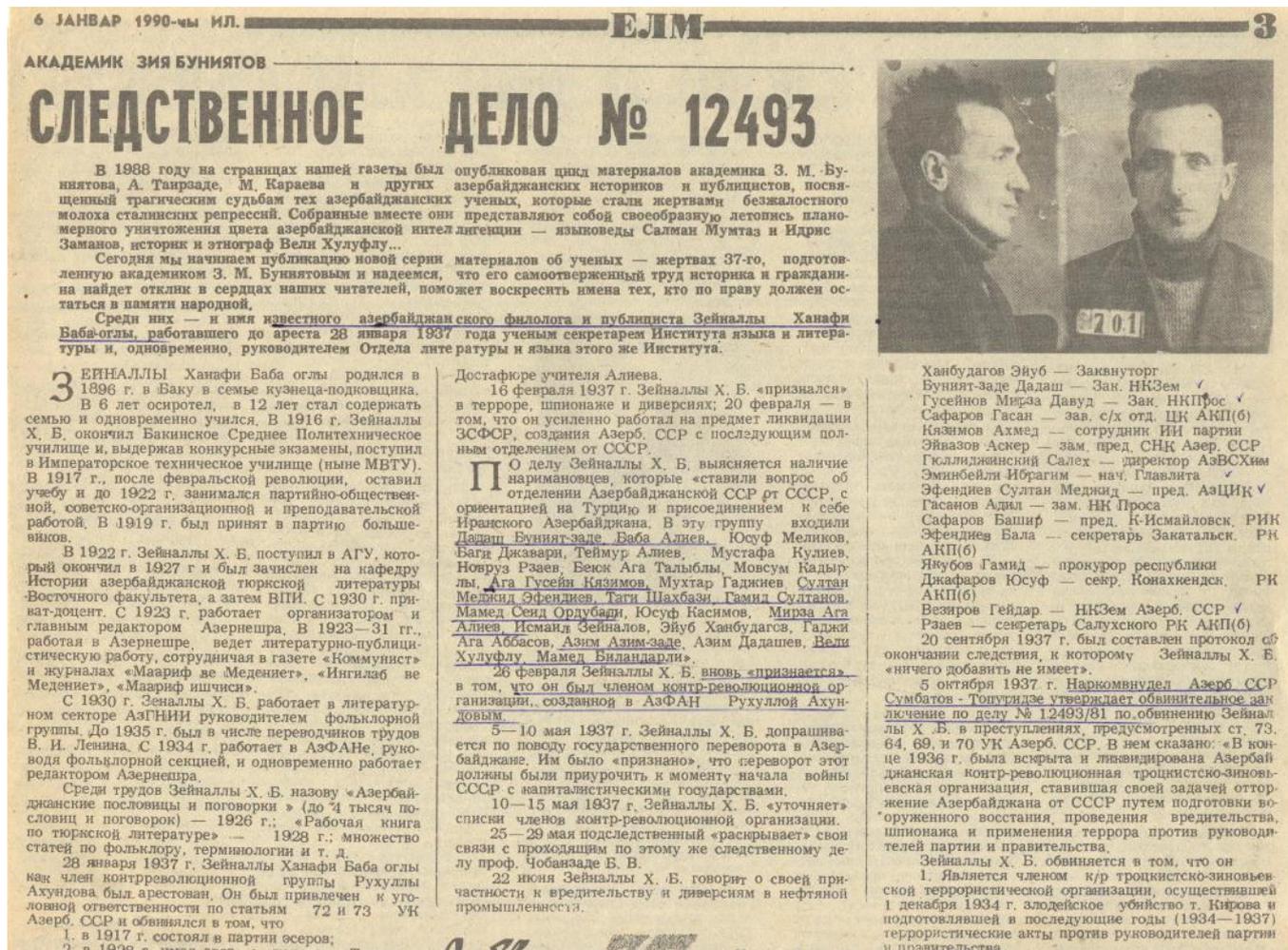

Осталась только статья Расима в газете "Edebiyyat ve injesenet".

Затем была ещё одна журналистка – Наргиз Гурбанова. Но бабушки уже не было в живых, и она предпочла встречаться не с мамой и дядей, а с сестрой бабушки – Махбубой Шарифовой. Её книжка, маленькая, в мягком переплёте у нас сохранилась.

А в 1990-м году моя коллега, учительница истории, принесла мне в школу газету «Елм» со статьёй З. Буниятова «Следственное дело №12493», посвящённой деду. Вот так я и узнала о моем дедушке".

Ханафи Зейналлы родился в семье кузнеца-подковщика в 1896 году. В 6 лет остался сиротой, в 12 - стал содержать семью и одновременно учился.

В 1916 году окончил Бакинское среднее политехническое училище и поступил в Императорское Политехническое училище (МВТУ). В 1917 году оставил учебу, в 1919 году вступил в партию большевиков и до 1922 года занимался общественной, организационной и преподавательской работой.

В 1922 году поступил, а в 1927 году окончил АГУ и был зачислен на Кафедру истории азербайджанской тюркской литературы Восточного факультета. С 1930 года - приват-доцент.

С 1923 года организатор и главный редактор Азернешра. Одновременно с этим ведет литературно-публицистическую работу в газете "Коммунист", журналах "Маариф вэ Медениет", "Инглаб вэ Медениет", "Маариф Ишчеси".

С 1930 года работает руководителем фольклорной группы литературного сектора АЗГНИИ. С 1934 года руководит фольклорной секцией в АЗФАНе.

28 января 1937 г. Зейналлы Ханафи Баба оглы нац. член контрреволюционной группы Рухуллы Ахундова был арестован. Он был привлечен к уголовной ответственности по статьям 72 и 73 УК Азерб. ССР и обвинялся в том, что

1. в 1917 г. состоял в партии эсеров;
2. в 1928 г. имел связь с консулом Турции в Баку Ферид-беем и через него имел переписку с известным турецким националистическим деятелем Исмаилом Хичметом;
3. в 1929 г. и в последующие годы имел тесную связь с мусаватистами Бахарлы, Фейзуллаевым, Мавсумовым и др., а также с Чобан-заде;
4. в своей практической научной работе протаскивал контрреволюционную националистическую идеологию.

28 же января 1937 г. Зейналлы Х. Б. был «исключен со всех должностей» в АЗФАНе.

Первый допрос Зейналлы Х. Б. продолжался три суток — с 29 по 31 января 1937 г. Ему предъявлялись обвинения в связях с контр-революционерами и националистами Гашумом Эфенди, Исмаилом Хичметом, Халидом Фикретом, Бекиром Чобан-заде, Ахмедом Джавадом, Джафаром Джаббарлы, Ата Баба Мусахьялы, Эфендиевым Джаббаром, Ахмедом Гаджиским, Кулиевым Мамед Садыхом, Али Аббасом Муталибовым, Тальбылы Бекю Агой, Али Назимом, Хулуфлу Вели, Рафили Микаилом, Имановым Гасаном, Салманом Мумтазом, Тринич Ахмедом, Багировым Джавадом, Ибрагимовым Халимом, Рашидом Юсуфзаде, Джавадом Мовсум-заде.

Однако обвиняемый отвергает эти обвинения.

3 февраля Зейналлы Х. Б. отрицает свою принадлежность к какому-либо антисоветскому организации. Следователь восклицает: «Дайте правдивые показания и прекратите сопротивление!». Зейналлы Х. Б. вновь все отрицает. Однако на следующем допросе (4 февраля) обвиняемый говорит: «Да, я получал контр-революционные книги; да, я состоял в контр-революционной организации, завербовал в нее Джавада Багир-заде, Бабаева Имира, да, я воспитывал и выращивал контр-революционные националистические кадры; да, я стоял за отделение Азербайджана от СССР с ориентировкой на Турцию».

9, 10 и 11 февраля Зейналлы Х. Б. признавался, что он был завербован в контр-революционную организацию Р. Ахундовым «в конце 1936 г. в его кабинете, получал от него установку на вербовку молодых людей в Баку и в районах республики, развертывал работу среди тюркской интеллигенции, нацеливая ее на террор, диверсии, вредительство, шпионаж и поражение воевать».

13 и 14 февраля Зейналлы Х. Б. признает, что он завербовал в контр-революционную организацию: в Гандже — зав. РОНО Назарова, инструктора РОНО Ахмедова Ахмеда и преподавателя Кулиева Мамеда; в Таузе — председателя РИИа Салманова и преподавателя техникума Биландарли; в Шамхоре — зав. РОНО Курбанова и зав. клубом Хализова; в Баку — преподавателя Института торговли Саньлы Гаджи Керима, Микаила Мушфига и Демирчи-заде, писателя Джаханбахта, преподавателя математики Абдуллаева Меджида, преподавателя истории Эфендиева Гафура и аспиранта Гамлада Араслы. Последний информировал его о том, что он создал среди студентов ВПИ окружение из контр-революционных настроенных лиц и сам занимался вредительством. Далее он «вспомнил», что завербовал в Кербане инструктора РОНО Шахмура, учителя Ахундова, а в

лу проф. Чобанзаде В. В.

22 июня Зейналлы Х. Б. говорит о своей причастности к вредительству и диверсиям в нефтяной промышленности.

Забвению не поддается

26 августа Зейналлы Х. Б. рассказывает о подготовке к убийству Берия Л. П. и Багирова М. Д., причем последнее было намечено «ликвидировать» около здания ЦК, на углу, или же между зданиями ЦК и СНК, или во время приезда его в один из нефтяных районов, или в самом здании ЦК.

2 сентября следователь обвиняет Зейналлы Х. Б. в том, что он вел вредительскую работу в контр-революционной организации вел вредительскую и контр-революционную повстанческую работу, стоял на позициях террора, был осведомлен о готовящихся террористических актах против тт. Берия Л. П. и Багирова М. Д.».

20 сентября следователь обвинил Зейналлы Х. Б. в том, что он вел вредительскую работу на научном фронте под руководством Рухуллы Ахундова: срывал выпуск стабильных учебников по литературе и языку для средних учебных заведений; умышленно задерживал издание классиков азербайджанской литературы М. Ф. Ахундова и Молла Насреддина; срывал подготовку сборников по революционному фольклору, а взамен собирал материал по Кер-оглу, где должен был отразить идею «нашей организации о независимости Азербайджана»; составлял вредительскую терминологию и орфографию и распространял среди интеллигенции».

Зейналлы Х. Б.: «Полностью признаю себя виновным по статьям 73, 64, 69, 17—70 УК Азерб. ССР».

В деле имеются показания других подсудимых, «изобличающих» враждебные советской власти действия Зейналлы.

Из показаний Зейнуова Микаила Намаз оглы яствует, что в 1933 г. была создана «Азербайджанская националистическая партия», в которую входили:

- Тринич Ахмед — директор Азернешра
- Керимов Али — директор Азгосдрамтеатра
- Зейналлы Ханафи — сотрудник АЗФАНа
- Хулуфлу Вели — зам. редактора АСЭ
- Гасанбеков Балабен — директор АГУ
- Аскеров Баба — сотрудник ИИ партии
- Гасанов Рагим — зам. директора ИИ партии
- Джауардинский Мамед — секретарь Нухинского ГК АКП(б)
- Садыхов Гамбар — директор Института АКЗема
- Мамедов Гусейн — секретарь парткома ИМЛ Вуняг-заде Дашдамир — слушатель ИМЛ
- Джамиялов Исмаил — работник Нухинского ГК АКП(б)
- Алескеров Кязим — директор Партиздата
- Суданов Имам — Наркомхоз
- Фаради-заде Аскер — пред. Госплана

Я не стал комментировать ход одного из сотрясающих дел по чудовищным и вздорным обвинениям, которые унесли сотни жизней самых благородных людей нашей республики. Это были потери, которых мы ощущаем и сегодня.

1. Является членом к/р троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство т. Кирова и подготовившей в последующие годы (1934—1937) террористические акты против руководителей партии и правительства.

2. В 1925 г. входил в состав к/р пантюркистской организации, был организационно связан с членом этой организации Чобан-заде и по день ареста состоял на позициях непримиримой борьбы с партией и Советской властью.

3. В 1934 г. входил в состав к/р националистической организации, в которую был завербован одним из ее руководителей Р. Ахундовым и поддерживал организационную связь с руководством организации.

4. Вел активную работу по подготовке вооруженного восстания путем вербовки в организацию лиц из к/р настроенного элемента в отдельных районах Азерб. ССР и культивировал среди населения повстанческие настроения.

5. Стоял на позициях террора и принимал активное участие в разработке и обсуждении вариантов готовившихся террористических актов против секретаря ЗКК ВКП (б) Берия и секретаря ЦК АКП (б) Багирова.

6. Проводил вредительскую работу на научном фронте в Институте литературы и языка АЗФАНа, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 73, 64, 69 и 70 УК Азерб. ССР.

Зейналлы Х. Б. виновным себя признал полностью.

11 октября 1937 г. Коллегия Верховного суда постановила: 1) предать суду Зейналлы Х. Б. 2) при назначении к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия защиты и обвинения и без вызова свидетелей.

12 октября 1937 г. состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР (Магдлевия, Зарнов, Жигур).

Заседание открыто в 16 часов 25 минут.

Зейналлы Х. Б.: «Виновным себя признаю, полностью разоружился и просит снисхождения».

Заседание закрыто в 16 часов 40 минут.

Военная коллегия приговорила Зейналлы Ханафи Баба оглы к высшей мере уголовного наказания — к расстрелу.

(В силу постановления ЦИК СССР от 1/XI/34 г. приговор обжалованию не подлежит и приводится немедленно в исполнение.)

На д. 392 подшита справка о том, что приговор о расстреле Зейналлы Ханафи (Ганифа) Баба оглы приведен в исполнение в гор. Баку 13 октября 1937 г.

6 апреля 1955 г. председатель КГБ получил заявление жены Зейналлы Х. Б. Шарифовой Сейра-Саттар кызы, которая сама была осуждена на 8 лет, как жена врага народа и в котором она просила пересмотреть дело ее мужа.

30 марта 1957 г. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговор от 12 октября 1937 г. в отношении Зейналлы Ханафи Баба оглы был отменен и дело о нем прекращено было прекращено за отсутствием состава преступления.

20 января 1937 года Ханафи был "исключен со всех своих должностей" в АЗФАНе и начался кошмар, который закончился только с его смертью, вернее, убийством 13 октября 1937 года. В начале 1937 года Ханафи Зейналлы [1] был арестован и обвинен в участии в пантюркистском движении (дело № 3404), в октябре того же года был расстрелян, а 9 декабря 1937 года его жена Сейра ханум Шарифова была осуждена на 8 лет ИТЛ.

Публикации Ханафи Зейналлы:

- Статьи в журн. «Маариф вэ Меденийэт» (1923—1927), Баку;
- «Маариф-Ишчиси», Баку;
- Рабочая книга по литературе, Баку, 1929.

Использованы материалы:

Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939.

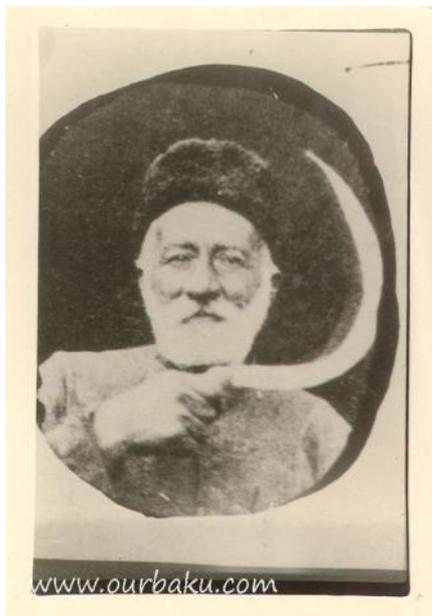
Репрессированное востоковедение.

[1] В списке "Репрессированное востоковедение" его имя указано неверно - Зейналлы Хамафи (1896—1937) - Азербайджанский литературовед, критик, фольклорист. Арестован в 1937, погиб

Касимов Натиг

Касимов Самед и его потомки

1863-1938

Самед Касимов из Мардакян

Сосеждествовали когда-то в Мардакянах 2 человека. И дружили неплохо. Соседей разделял лишь общий каменный забор, существующий по сей день.

Один был беден, другой богат и даже очень.

Однако, первый никогда не зарился на богатство второго, а второй изначально когда-то был каменотесом и когда-то очень беден, так что они могли и умели ладить вполне. Первый постоянно жил в Мардакянах и был главой большой семьи из 11 душ, другой был нефтепромышленником, жил в Баку, а лето проводил либо в Мардакянах, либо в Европе.

Почти каждый летний вечер друзья встречались и, попивая чай, говорили о жите-бытье. Один давал советы, другой слушал, потом наоборот.

Оба они оставили значительный след в истории нашей страны, потому что один из них был сам Гаджи Зейналабдин Тагиев, другой мой дед - Самед Касимов.

Дед мой прославился тем, что несмотря на материальную нужду, сумел заставить детей учиться в ВУЗах, нес расходы по их обучению, нанимал жилье в Баку и, в итоге этого, несколько человек из них стали заслуженными педагогами, врачами, академиками, потомки которых, продолжив эту добрую традицию дали миру несчетное количество докторов и кандидатов наук.

Потомки эти живут в Азербайджане, некоторые живут и за рубежом - в России, США, Канаде, Голландии, Франции и др. Но не о них, потомках, сейчас речь, а об этих двух приятелях.

Как-то зайдя в гости к Тагиеву, дед обнаружил, что у того в доме «дым коромыслом», суетится челядь, во дворе дым и пар от очагов, короче, пиршество в честь каких-то гостей. Хотел было он ускользнуть, но не тут-то было.

Хозяин заметив друга, настоятельно позвал его домой. А там было чему удивиться - в доме Тагиева был пир в честь высокого гостя, двоюродного брата иранского шаха, Музаффаретдин-шаха. Шел тогда, примерно, 1895 год. Ходу назад не было.

Деда, ему было тогда чуть более 30, усадили за стол, потекла беседа. Вскоре, гость заметил, что несмотря на социальную разницу, эти двое ведут себя друг с другом на равных, как друзья, и потому, расчувствовавшись и желая сделать доброе деду, сказал : «Послушай, скажи мне о чем ты мечтаешь и я попрошу Зейналабдина сделать это для тебя, ради меня, гостя».

Дед, почувствовал себя уязвленным, отказался, поблагодарил за угощение и покинул пир. Вдогонку гость молвил ему: «Не спеши, подумай, мы еще и завтра пировать будем, приходи!».

Дед ушел домой, а на следующий день не пошел на пир. Однако пришли телохранители Тагиева и передали вновь приглашение.

Дед явился, а гость спрашивает : «Ну что, подумал ?»

Гость ждал, что бедняк попросит подарить ему корову или лошадь с арбой, а может пяток баранов. Однако дед удивил, заявив: «Скажи Гаджи Зейналабдину, пусть построит в Мардакянах школу для детей». Гость вопрошающе посмотрел на Тагиева, тот в согласии поклонился.

Идея такой школы, по моему мнению (прим. автора), давно витала в воздухе, но до реализации не доходила.

Прошла неделя, другая. Давно уехал высокий гость, встретились вновь наши друзья-герои. «Ну, брат, впутал ты меня в дело , - сказал Тагиев - школу я согласен построить, но вот где взять землю, нет ее. Из-за тебя я стану лугом если, пообещав, не построю».

Дед, недолго думая, сказал: «У меня в Мардакянах есть участок пахотной земли, я подарю её, а тыстрой на ней школу».

Так и порешили.

Ныне это школа № 123, бывшая школа садоводства, ее окончили когда-то мой отец и мои дядья, в последствии доктора наук и академики.

Эту историю моего деда я знаю по многочисленным рассказам и свидетельствам старожилы Мардакян. Я посетил ее как-то. Школа заслуженно носит имя Тагиева, но жаль, нигде нет мемориальной доски о вкладе Самеда Касимова в это дело.

Я иногда задумываюсь, как нелегко было распроститься с этой землей крестьянину. С землей, с которой кормилась вся его семья. Поступок явно самоотверженный. Но видно, что он умел глядеть вперед получше многих своих односельчан, высмеивавших его и говоривших, что Самед «выжил из ума и вместо того, чтоб дать детям путную профессию каменщика, садовода, пахаря, хлебопека или башмачника, зачем-то посылает их в Баку учиться невесть чему».

Вот лишь **некоторые из его прямых потомков** :

- Касум-заде Фейзулла – академик, доктор филологических наук, профессор
- Касум-заде Фуад – академик, доктор философских наук, профессор
- Касимов Мустафа – доктор медицинских наук, заслуженный врач, профессор
- Касумов Давуд – педагог, заслуженный учитель
- Касимов Гаджибаба – доктор биологических и кандидат медицинских наук, профессор

- Касимов Расим – доктор технических наук, кандидат физико-математических наук, член-корр. АН, профессор
- Касимов Асим – доктор технических наук, профессор
- Касимов Назим, - бывший министр строительства автодорог.
- Касум-заде Нигяр, кандидат филологических наук, профессор
- Касумов Гамид, кандидат филологических наук.
- Касумов Хейрулла, герой войны, 19 лично подбитых танков, трижды представлялся к званию Героя СССР
- Касимова-Наджафова Маиса, доктор химических наук
- Наджафов Хикмет – доктор физико-математических наук,
- Наджафов Ниджат – кандидат физико-математических наук,
- Ниязова Наида – кандидат химических наук
- Касимов Акрам, кандидат технических наук
- Касимов Эмин, доктор физико-математических наук
- Касим-заде Тубу-ханым, кандидат биологических наук
- Касимова Севда, кандидат физико-математических наук
- Касум-заде-Зульфугарова Наиля, кандидат медицинских наук .

Это далеко не полный список. В роду – врачи, педагоги, инженеры, изобретатели, спортсмены, дипломаты, военные, каждый из них - это личность с «собственным лицом», каждый авторитетен.

А началось все с малограмотного, но дальновидного Самеда Касимова.

Вот я назвал деда малограмотным, а ведь это не совсем так. Он прекрасно знал фарсидский и арабский - языки, которым владела образованная элита, читал Коран и даже прочел заупокойную службу по смерти его друга Г.З.А. Тагиева. Ведь профессиональные священники были тогда, в 1924-ом, в гонениях, под страхом ареста...

Тагиев отдал душу, положив голову на колени друга.

В начале 1920-ых годов в Мардакяны приехал Нариман Нариманов для встречи с народом на митинге. А кстати, Нариманов был стипендиатом Тагиева когда-то и учился за его счет.

В это время Тагиев был уже в изгнании, у него давно экспроприировали заводы, фабрики, нефтепромыслы, оставили только дачу в Мардакянах, да и то было неустойчиво.

Так вот дед выступил на митинге с просьбой от сельчан оставить Тагиеву дачу, не трогать старого, немощного человека. Нариманов пообещал - и слово сдержал.

Фотография его сделана незадолго до кончины. Примечательно, что изображен он в нетрадиционном стиле, с серпом в руке, что подчеркивает его трудовые характер.

P.S. Деталь, на которую я хочу обратить внимание уважаемых читателей.

Тагиев дал слово гостю, Музаффаретдин-шаху, хотя наверняка понимал, что второй визит в Баку уже вряд ли состоится, путь был далекий, да и время текло не спеша. Таким образом, никто не стал бы проверять, построено ли обещанное или нет.

Но, видать, слово, данное мужчиной, тогда ценилось особенно высоко и нарушать его никто бы не подумал.

O tempore, o morale! - О времена, о нравы !

Natiq Qasimov

Mənim babam, Səməd Qasimov

Bir zamanlar Mərdəkanda iki qonşu yaşayırdı. Qonşular həm də dost idilər. Qonşu evləri indi də yerində duran köhnə daş hasar ayırırdı. Lap nağıllardakı kimi, qonşu evlərin birində kasıb, o birində isə çox zəngin kişi yaşayırdı. Onların qonşuluğunda və dostluğunda var-dövlət zərrə qədər də rol oynamırdı. Kasıb qonşunun heç vaxt varlığının malında pulunda gözü olmazdı. Varlı qonşu da vaxtilə kasıb bir bəna olduğundan onlar biri-birini yaxşı başa düşür, dostluqlarını qoruya bilirdilər. Kasıb qonşu əslən mərdəkanlı və 11 baş külfətin sahibi idi. O birisi isə, əsas evi Bakıda olan neft maqnatı idi. Yayın ya Mərdəkanda, ya da Avropada keçirərdi. Neft sənayeçisi yayı Mərdəkanda keçirəcəyinə qərar verdiyində dostlar hər axşam görüşər, çay içə-içə həyat və məişət məsələlərindən danışardılar. Biri məsləhət verəndə digəri susar, o biri danışanda birinci dinməzdi.

O iki dost ölkəmizin tarixində layiqli iz qoyublar. Dostlardan biri məşhur Hacı Zeynalabdin Tağıyev, o biri isə mənim babam Səməd Qasimov idi. Babam ona görə layiqli insan idi ki, maddi çətinliklərə baxmayaraq, uşaqlarının ən yaxşı ali təhsil ocaqlarında savad almaqlarına nail oldu. Məhz onun zəhməti sayəsində yetişdirdiyi övladların simasında ölkəmiz çoxsaylı əməkdar müəllim, həkim, akademiklər qazandı, onların törəmələri isə ənənəyə sadıqlaraq dünyaya çoxsaylı həkim, elmlər namizədi bəxş etdilər.

Bu nəslin törəmələri Azərbaycanda, bəziləri isə vətəndən kənarada-Rusiyada, ABŞ-da, Kanadada, Hollandiyada, Fransada və.s. yaşayırlar. Lakin, bu yazımda niyyətim onlar haqqında yox, məhz həmin iki dost barədə danışmaqdır.

Günlərin bir günü növbəti dəfə Hacıya baş çəkməyə gələn Səməd kişi həyat-bacada hansısa mötəbər qonağın gəlişi münasibətilə biş-düş getdiyini görür. Obrazlı desəm, ocaqlardan çıxan tüstü səmadakı buludlara qarışmış. Hərə bir işlə məşğul imiş. Elə qapıdan geri qayıtmağa çalışsa da, ev sahibinin təkidi ilə babam içəri keçməli olur. Bir azdan öyrənir ki, Tağıyevin evində düzənlənən ziyafət İran şahının əmisioğlu Müzəffərətədin şahın şərəfinə təşkil olunub. Qonaqlıq təxminən 1895-ci ildə verilib. Onda Səməd kişinin 32 yaşı var idi.

Masa arxasına dəvət alandan sonra söhbətlərə qatılan babam qonağın nəzərindən qaçmır. Aralarındakı sosial fərqlərə baxmayaraq, bu iki nəfər biri-biriylə eyni tərzdə, dost kimi söhbətləşiblər. Sonda qonaq yaxşılıq etmək niyyəti ilə babama "Ürəyindən keçəni mənə de, Hacıdan xahiş edərim, xətrim üçün sənənin hər şey edər" deyər təklif edir. Babam minnətdarlığını bildirərək ilk fürsətdə məclisi tərk edir. Arxasınca səslənən qonaq sözlərini geri götürmür, əksinə "Tələsmə, fikirləş, mən hələ sabah da buradayam, gələrsən" deyir.

Səməd kişi evə qayıdır. Səhəri gün məclisə getmir. Buna baxmayaraq Tağıyevin adamları gəlib onun dəvətli olduğunu yenidən xatırladırlar. Babam hörmətsizlik olmasın deyər qonaqlığa getməyə qərar verir.

Babamı görcək qonaq soruşur: "Hə, nə oldu, fikirləşdin?" İran şahının əmisi oğlu kasıb kişinin inək, ya at, ya da, beş- altı qoyun istəyəcəyini gözləyir. Lakin Səməd kişi qonağı təəcübləndirərək deyir: "Hacıya de ki, kənddə məktəb tikdirsin". Qonaq sual dolu baxışlarla Hacıya baxır. O da öz növbəsində razılıq əlaməti olaraq başı ilə təzim etdi.

Kənddə məktəb tikilməsi babamın çoxdankı arzusu idi. Əfsuslar olsun ki, onu reallaşdırmaq üçün imkanı yox idi.

Мардакяны. Тагиевская школа садоводства (в наст. время—школа № 123)

Qonaqlığın üstündən iki həftə keçəndən sonra qəhrəmanlarım-dostlar görüşdülər: "Hə, sən məni işə saldın—deyə Tağıyev sözə başlayır— mən məktəb tikdirməyə mən hazırım, sadəcə tikməyə yer yoxdu, çətinlik bundadı."

Babam çox fikirləşmədən deyir: "Kəndin qırağında əkin yerim var, bağışladım onu, sən məktəbi tikdir".

Belə da oldu, indi Mərdəkandakı 123 sayılı məktəb həməm məktəbdir, atamın, əmilərimin, bir çox elmlər doktoru və akademik yetişdirən məktəb.

Mən bu tarixcəni kənd ağsaqqallarından eşitmişəm. Təəssüf edirəm ki, onu görməmişəm. Tikilməsinə səbəbkar olduğu məktəbi isə dəfələrlə ziyarət etmişəm. Sevindiricidir ki, məktəb Hacı Zeynalabdin Tağıyevin adını daşıyır. Amma, əfsuslar olsun ki, məktəbin məhz onun təşəbbüsü nəticəsində tikilməsi barədə heç bir yerdə bircə qeyd də yoxdur. Kaş ki, kiçik bir memorial lövhə ilə hardasa belə bir xatirə olaydı.

Hərdən fikirləşirəm ki, ailəsinin dolanışığı çıxan torpağı itirmək sadə bir kəndli üçün necə də ağır olub. Lakin əminəm ki, bu addım, düşünülmüş addım olub. Həmkəndlilərindən bəziləri zamanında deyirdilər ki: "Səməd çaşıb, başı havalanıb, uşaqlarına bənna, bağban, üzümçü, dərzilə ya pinəçi sənəti öyrətmək əvəzinə, Bakıya oxumağa göndərir, bilmir də axırı necə olacaq". Lakin nə yaxşı ki, hər şey yaxşı oldu. Babamın memorial lövhəsi onun layiqli insanlar kimi yetişmiş gələcək nəslinin siyahısı oldu.

Onun birbaşa nəslindən olanlar, uşaqları və nəvələri:

- Qasımzadə Feyzulla-akademik, filologiya elmləri doktoru, professor
- Qasımzadə Fuad-akademik, fəlsəfə elmləri doktoru, professor
- Qasımov Mustafa-tibb elmləri doktoru, əməkdar həkim, professor
- Qasımov Davud-pedaqoq, əməkdar müəllim
- Qasımov Hacıbaba-biologiya elmləri doktoru və tibb elmləri namizədi, professor

- Qasimov Rasim-texniki elmlər doktoru, fizika-riyaziyyat elmləri namizədi, EA müxbir üzvi, professor
- Qasimov Asim-texniki elmlər doktoru, professor
- Qasimov Nazim- avtoyolların tikintisi naziri (səbiq), BMT-nin İnşaat üzrə Eksperti
- Qasimzadə Nigar-filologiya elmləri namizədi, professor
- Qasimov Hamid- filologiya elmləri namizədi, “Maarif” nəşriyyatının müdiri
- Qasimov Xeyrulla-Böyük Vətən müharibəsi qəhrəmanı, şəxsən 19 tank vurmuş, 3 dəfə Sovet İttifaqı qəhrəmanı adına təqdim olunub.
- Qasimova-Nəcəfova Maisə-kimya elmləri doktoru
- Nəcəfov Hikmət – fizika-riyaziyyat elmləri doktoru
- Nəcəfov Nicat – fizika-riyaziyyat elmləri namizədi
- Niyazova Naidə – kimya elmləri namizədi
- Qasimov Əkrəm-texniki elmlər namizədi
- Qasimov Emin-fizika-riyaziyyat elmləri doktoru
- Qasimzadə Tubuxanim- biologiya elmləri namizədi
- Qasimova Sevda-fizika-riyaziyyat elmləri namizədi
- Qasimzadə-Zülfüqarova Nailə-tibb elmləri namizədi

Bu tam siyahı deyil Nəsildə - həkimlər, pedaqoqlar, mühəndislər, ixtiraçılar, idmançılar, ədəbiyyatçılar, diplomatlar, hərbiçilər və sair peşə sahibləri də var. Hər birinin “öz siması”, qazandığı hörməti vardır.

Bu iş az savadlı Səməd Qasimovun uzaqgörənliyinin bəhrəsidir.

Ömrünün son illərində çəkdirdiyi bu şəkildən babam əlində oraq tutaraq boylanır. Bu, bir daha onun zəhmətkeş təbiətindən xəbər verir.

Allah sənə rəhmət eləsin, xatirən əbədi olsun, babam!

P.S.

Diqqətinizi kiçik bir məsələyə yönəltmək istəyirəm. Hacı Zeynalabdin Tağıyev qonağı Müzəffərət-din şaha söz verəndə, yəqin bilirdi ki, onun bir daha Bakıya səfəri baş tutmayacaq. Həm yol uzun idi, həm də zaman lənq gedirdi... Və heç kəs tikilini yoxlayan deyildi.

Amma, görünür, o vaxtlar kişi sözünün dəyəri çox yüksək imiş və heç kim də onu pozmağı ağına belə gətirməzdi.

Эмин Ханларов, Ирина Ротэ

Ханларов Гаджи Мамед Гасан Бек и его семья

Ханларовы - один из старинных дворянских родов Азербайджана, владевший значительной собственностью и большими средствами.

Род Ханларовых появился в Ичери Шехер в те времена, когда Баку как город только-только становился на ноги.

Гаджи Мамед Гасан Бек Ханларов

1840 - 1915

Отец - Гаджи Мамед Вели Бек Ханларов (1810 - ?)

Имел 3 **жены** - Ана-Ханум (1845 - 1912), девичья фамилия, к сожалению, нам неизвестна, Иззят-ханум и Сеид-ханум.

В семье было 5 детей - 2 сына и 3 дочери.

Сыновья:

- родной сын от Аны-Ханум - Гусейн-бек (1870 - 1943)
- приемный сын — Агалар-бек (1866 - ?)

Дочери:

- Гаджи-Хырда-Ханум (1867 - 1938)
- Бала-Ханум (1883 - 1918)
- Сона-Ханум (1886 - 1942)

Гаджи-Хырда-Ханум Ханларова

1867 - ?

Отец - Гаджи Мамед Вели Бек Ханларов.
Мать - Ана-Ханум.

Владелица магазинов и караван-сараев.
Состояла также в родстве с Г.З.А.Тагиевым.

В первом браке была замужем за Ибрагимом-Паша-беком Ага-Зейнал-Абдин бек оглы Халиловым.

В этом браке у нее родилось двое детей:

- сын Касум-бек (1896 - 1947)
- дочь Секина-ханум (1901 - 1989).

Во втором браке была замужем за **Агалар-беком Ханларовым** (1866 - ?).

Агалар-бек Окончил химический факультет Рижского политехнического института. Один из первых азербайджанцев-химиков.

Инженер-химик, он до революции имел свое дело по производству мыла.

После революции работал учителем немецкого языка в средней школе.

Агалар-бек Ханларов

Детей жены от первого брака воспитывал как своих собственных.

Внуки до глубокой старости тепло вспоминали дедушку, еще в конце 1930-ых годов покупавшего для них сладости и тетрадки.

Агалар-бек Хандаров с детьми - Касум-беком и Сакиной-ханум.

*Дверная табличка Агалар-бека Ханларова.
Хранится в Музее истории Азербайджана.*

Касум-бек Ханларов

1896 - 1947

Сын Гаджи-Хырда-ханум и Ибрагим-Паша-бека Ханларовых.

*Касум-бек Ханларов
в возрасте 10-ти лет*

*Касум-бек Ханларов
в возрасте 14-ти лет*

Касум-бек Ханларов

Жена -Тора-ханум Рагимова
(1902 - 1979)

Касум-бек Ханларов учился в Санкт-Петербурге .

У Касум-бека и Тора-ханум Хандаровых было 8 детей - 4 сына и 4 дочери.

СЫНОВЬЯ:

- Фархад (1920 - 1923). Умер от тифа.
- Паша-бек (1923 - ?). Пропал без вести во время 2-ой мировой войны.
- Ниджад-бек (1932 - 1978)
- Фархад-бек (1936 - 2010)

Дочери:

- Зарифа (1919 - ?). Умерла от тифа.
- Рафига (1921 - ?). Умерла от тифа.
- Фируза-ханум (1929 - 1974)
- Фарида-ханум (1930)

Рассказывает сын Фархад-бека Ханларова - **Эмин Ханларов:**

Мой отец родился в Баку.

Учился в Политехническом институте, был инженером.

Работал техническим сотрудником на киностудии им. Джафара Джабарлы, принимал участие в съемках фильмов "Мачеха" и "Мешеди Ибад".

В 1970-ых годах был инженером в кинотеатре им. Низами. В 1990-ых годах имел свой бизнес.

Моя мама, Фарида-ханум Джалил кызы Бабакуливанд (1943 - 2010) была родом из Тебриза.

Я, Эмин Фархад оглы, работал техническим сотрудником на AZ TV, потом оператором на ITV и оператором и режиссером на студии KTV-7.

У меня есть сын Иса.

В статье использованы фотографии из личных архивов семьи Ханларовых

Сибор Филс

Тальшинский Мир-Абульфат-хан (Ага-хан) - первый азербайджанский травматолог-ортопед

В своих воспоминаниях я перечислил соседей, которые жили в **Нашем Доме**. Под словом **Наи** я подразумеваю общий для всех взрослых и детей **Дом**.

В Доме жило много врачей разных специальностей, но нашим (детей) добрым Доктором Айболитом был дядя Ага-хан...

Мир-Абульфат-хан (Ага-хан), сын Мир-Рза-Кули-хана Тальшинского (1863-1932), родился 19 сентября 1885 года в Ленкоране.

Мир-Рза-Кули-хан Тальшинский со своим сыном Мир-Абульфат-ханом

Начальное образование получил в Бакинской мужской Императора Александра III гимназии.

В 1916 г. окончил медицинский факультет Киевского университета, после чего до марта 1917 г. работал ординатором в Харьковском госпитале общества Красного креста.

В апреле 1917 г. возвращается на Родину и начинает работать в хирургическом отделении Бакинской городской клинической больницы.

С 1920 г. работает на кафедре общей хирургии Бакинского Государственного университета.

В 1930 г. он основал отделение травматологии в Бакинской больнице им. Н. А. Семашко.

В 1935 г. выпустил первое учебное пособие по травматологии на азербайджанском языке для студентов медицинского института.

Доктор медицинских наук (1937 г.), профессор (1939 г.).

В 1938-1944 гг. заведовал кафедрой травматологии-ортопедии и военно-полевой хирургии Азербайджанского института усовершенствования врачей.

Одновременно во время Великой Отечественной войны он являлся главным хирургом военного госпиталя.

После окончания Великой Отечественной войны основал Бакинский НИИ травматологии и восстановительной хирургии, где возглавил отделение травматологии-ортопедии, которым руководил до конца жизни.

Ага-хан скончался 21 декабря 1949 года.

Семья:

- Ага-хан был женат на Кишвар-ханым, дочери Мир-Хашим-бека Талышханова, и имел двоих детей:

Адиля-Ханым(Ляля-ханум) и Мир-Аббасгулу-хан(Азиз) Талышинские.

- **Адиля-ханым** (Баку, 31.07.1923-Баку, 03.06.1998).

Была замужем за доктором Джаббаром Бахшиевым (1917 года рождения), участником Великой Отечественной войны, полковником медицинской службы (с 1967 г.).

Их единственный сын - доктор медицинских наук **Мамед(Маик) Бахшиев** (род. 1947 г.) женат на **Азине Тофиг гызы Аслановой**, внучке дважды героя Советского Союза, гвардии генерал-майора танковых войск Ази Ахат оглу Асланова. Семья Мамеда Бахшиева проживает в Москве.

- **Мир-Аббасгулу-хан (Мир-Азиз)** (Баку, 19.03.1922 - Баку, 08.03.1974).

Окончил Азербайджанский медицинский институт (1947), после чего некоторое время работал хирургом в Ленкоране.

В 1948-1949 гг. работал ординатором в хирургической клинике Азербайджанского медицинского института.

В 1949-1951 гг. - научный работник Бакинского НИИ травматологии и восстановительной хирургии.

С 1951 г. - ассистент кафедры травматологии-ортопедии и военно-полевой хирургии Азербайджанского института усовершенствования врачей. Кандидат медицинских наук (1963). В 1965 г. был избран руководителем кафедры.

В 1966 г. ему было присуждено почетное звание «Заслуженный врач АзССР».

Прекрасный человек и врач, отличный спортсмен—он был капитаном бакинской футбольной команды "Динамо", душа общества , по-моему, его знал (или слышал о нем) весь тогдашний Баку, несколько проработал в Алжире .

Ранняя смерть не дала возможности раскрыться всем его профессиональным талантам.

Азиза провожало в последний путь пешком через весь центр города огромное количество родных, близких, друзей, знакомых.

Я до сих пор вспоминаю его доброе отношение и милую улыбку при каждой встрече, а этих встреч в нашем "маленьком дворе" было и было ...

Его дочери, Гюля и Дея, до сих пор живут в родном доме.

А мемориальной таблички в память их деда и отца около парадной двери Нашего Дома со стороны ул. Мамедалиева так до сих пор и нет...

Использованные источники:

<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap035.php>

<http://www.vgd.ru/VESTNIK/5vest4.htm>

Эльдар Мансуров, композитор

Мансуров Мешади Сулейман бек Мешади Мелик бек оглы - организатор бакинских музыкальных меджлисов, меценат и предприниматель

Вместо предисловия

Род Мансуровых имеет древние корни. В моей книге “Мансуровы. История рода” впервые собраны достоверные факты об этой династии. Это - исторические материалы, начиная с XVII века до наших дней.

Являясь потомком этого рода в восьмом колене, я собрал документы из различных архивов и музеев.

Как потомку, мне повезло, что предки многие документы сохранили, периодически писали воспоминания, передавали все увиденное в устной форме из поколения в поколение.

Мансуров Мешади Сулейман бек. Жизнь: люди и годы.

1872 - 1955

Мешади Сулейман бек Мансуров (1915)

Детство, учеба

Коренной бакинец, потомственный бек и землевладелец Мешади Сулейман бек Мешади Мелик-Мамед бек оглы Мансуров родился 15 октября 1872 г.

Грамоте он научился в медресе при мечети «Сыных-гала». Мешади Сулейман продолжил образование в русско-татарской школе.

Владел многими восточными и европейскими языками - персидским, арабским, турецким, знал русский язык, свободно мог общаться на французском, немецком, английском и немного - на итальянском.

Семья

Мешади Сулейман женился в 1909 г. на Хаджар ханум Гаджи Гашим бек кызы Керимовой. От этого брака родились 3 сына и 1 дочь:

Ага Мелик (4 февраля 1910 г. - 25 февраля 1926 г.),

Ага Бахрам (12 февраля 1911 г. - 14 мая 1985 г.),

Ага Надир (1916 - 1972),

Сара ханум (1913 - 1995).

Семья жены

Тесть Мешади Сулеймана - Гаджи Гашим бек Керимов— был одним из богатых купцов Баку, ему принадлежали несколько нефтяных промыслов, крупные земельные участки, недвижимость.

Гаджи Гашим бек числится за № 115 в Сводном именном списке потомственных беков и родовых агаларов по Бакинской бекской комиссии от 1888 г.

Гаджи Гашим бек Керимов

Он был женат на дочери одного из богачей Баку, ее звали Анаханум.

От этого брака у него было 3 дочери и 1 сын.

Старшая дочь - Месме ханум (1892-1976),

средняя - Шахрабану ханум (1897 - 1983) и

младшая - Хаджар ханум (1898 - 1916).

Сын - Алигейдар бек (1896 - 1972).

Его сын — Алигейдар бек - был женат дважды.

От первого брака у него родились сын Акрам и дочь Сеййаре.

Его первая жена умерла в молодом возрасте, поэтому он женился во второй раз.

От второй жены родились сын - Рамиз и две дочери - Рафига и Мансура.

Кстати, на месте нынешнего Театра русской драмы находился «Синематограф Микадо», построенный на деньги Алигейдар бека.

Синематограф «Микадо», позднее в этом здании находился Бакинский рабочий театр, преобразованный затем в Театр русской драмы им. С. Вургуна.

Мужем старшей дочери - Месме ханум - б ы л
Агабек Ага Рагим бек оглы Сафаралиев, который приходился своей супруге также и двоюродным братом.

Агабек был управляющим Бакинского городского банка, владел компанией «А.Б. Сафаралиев и К» и Нефтепромышленным Торговым Товариществом.

Матери Месме ханум и Агабека - Нурджахан ханум и Джавахир ханум, были родными сестрами.

Месме ханум - родная тетя моего отца, Бахрама Мансурова. Известный архитектор Микаил Усейнов был двоюродным братом Месме ханум по матери.

Будучи ребенком, я часто видел Месме ханум у нас дома. Она приходила к нам в гости, и я до сих пор помню ее светлое и доброе лицо.

Средняя дочь Гаджи Гашим бека - Шахрабану ханум была замужем за Ага Мехти беком Ханларовым.

У нее от этого брака родились 4 сына – Тофик (1919-1941), Рауф (1926 - 1954), Исмаил (1928 - 1955), Гаджи Ага (1924 - 1985) и дочь Рахилья (1920 - 1990).

Мой отец Бахрам Мансуров приходится им двоюродным братом.

После смерти жены

Когда моя бабушка вышла замуж за Мешади Сулейман бека, ей было всего 11 лет. К сожалению, она рано ушла из жизни - в 18 лет, оставив после себя четверых детей.

Мой дед так и не женился больше, сам воспитал и поднял на ноги сыновей и дочь. Мешади Сулейман нанял гувернантку-немку по уходу за детьми и хозяйству. Дед сам учил детей всем премудростям жизни, дал им хорошее воспитание.

К чести детей, они оправдали доверие отца, став достойными членами общества. И не случайно в городе, указывая на них, говорили, что это - дети Мешади Сулейман бека.

После смерти жены Хаджар ханум 16 августа 1918 г., Мешади Сулейман бек ради детей попытался еще раз создать семью.

Он хотел, чтобы новая жена как-то заменила им мать. Что ни говорите, все же мужчине одному трудно поднимать детей.

Как-то придя в дом, он увидел, что дети плачут. Ничего не сказав этой женщине, он забрал детей и вышел. (Кстати, дом ее находился сзади здания исполнительной власти Ясамальского района, на улице Губанова.)

Предприниматель и арендатор

Мешади Сулейман бек являлся крупным арендатором и предпринимателем.

Он заключал договора о предоставлении принадлежащих ему в Черном городе земель в аренду для прокладки трубопроводов известным отечественным и иностранным нефтяным компаниям.

В их числе - договора о представлении земли в аренду следующим компаниям: Восточному Товариществу, Русскому нефтяному обществу (РУНО), Русскому Товариществу «Нефть», Обществу «Борн», Товариществу «Братья Мирзоевы и К», Товариществу «Арамазд», Русскому нефтепромышленному обществу, Товариществу «Братьев Нобель», Восточному обществу товарных складов и т. д.

Мешади Сулейман бек Мансуров (1905)

После смерти отца - Мешади Мелик бека в 1909 г., всем состоянием рода стал управлять Мешади Сулейман бек. Вся родня - братья, сестра и жена, доверили управление своим имуществом именно ему, т. к. он был среди них самым образованным и знающим дело. Это подтверждается многочисленными нотариальными доверенностями.

Музыка – в крови Мансуровых

Мешади Сулейман продолжил дело, начатое отцом Мешади Мелик беком, – бакинские мугамные меджлисы.

И снова в доме Мансуровых в Крепости по адресу Большая Крепостная № 5, а также на даче в Шувелянах собирались не только со всего Азербайджана, но и Ирана, Тифлиса, ханендэ, музыканты, поэты и вообще представители интеллигенции на незабываемые вечера.

برای یادگار برشته پنهان مانو. او
از آرمیجیل شولوا: کسراده

Мешади Сулейман бек Мансуров (1906)

Из воспоминаний Мешади Сулейман бека:

- В Караван-сараяе Гаджи Гаджиаги, с Юсиф беком Дадашевым играли в нарды. Вдруг - откуда ни возьмись, вбегают Мансур и говорят: «Мешади Сулейман, давай поторапливайся, не то Мешади Зейнал убьет ханэндэ». Поспешил туда и что вижу: на свадьбе сына одного из бакинских миллионеров в Крепости Мешади Зейнал наставил пистолет к горлу ханэндэ и кричит: «До каких пор будешь фальшивить?». Кое-как я его успокоил и отправил этого ханэндэ с меджлиса.

Тогда на бакинских свадьбах была очень хорошая традиция - таких горе - певцов, как правило, выгоняли. Да и они сами стыдились. Минимум один - два месяца не показывались на людях.

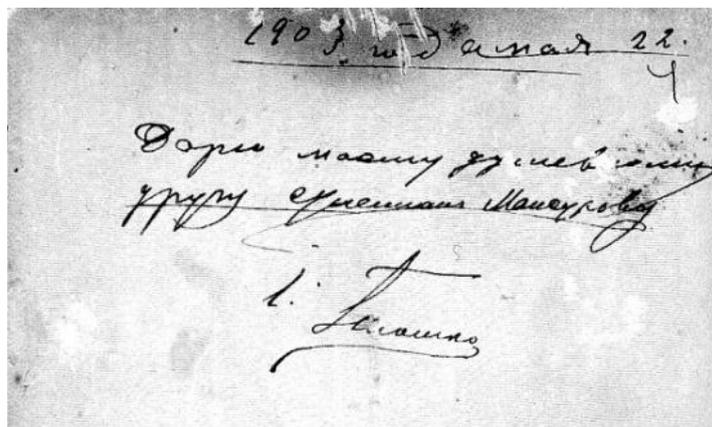
Мешади Сулейман бек Мансуров
и Гусейн бек Ханларов (1909г.)

Известного тариста Садыхджана я впервые увидел в Тифлисе. Его манера игры меня просто поразила. Садыхджан был в буквальном смысле слова виртуозом. Он держал тар на уровне груди и сильно прижимал к челюсти. Как можно высоко поднимал гриф, чтобы не уставала левая рука. Часто играл только левой рукой. Иногда, войдя в азарт, поднимал тар высоко над головой. Обычно этим приемом пользуются ашуги. На его игру даже слетались и птицы...

Вернувшись в Баку, рассказал о нем отцу. Это заинтересовало Мешади Мелик бека. Прошло немного времени, Садыхджан приехал в Баку с концертами. Вместе с отцом пошли слушать его исполнение. А играл он просто превосходно! После концерта отец сказал мне: «Обязательно приведи его к нам домой». На следующий день я пригласил Садыхджана в гости. С тех пор Садыхджан стал самым уважаемым и близким человеком нашей семьи. Всякий раз, когда он приезжал в Баку, месяцами гостил у нас. Беседы Садыхджана с Мешади Меликом были очень интересны».

Друзья

Крепкая дружба связывала Мешади Сулеймана с известным бакинским польским архитектором Иосифом Касперовичем Плошко. Сохранились две фотографии. На одной - Плошко с женой, подаренный с автографом Сулейман беку, на второй - его сын Юзеф.

Иосиф Касперович Плошко (1867-1931) с супругой Сабиной Владиславовной. Дарственная надпись на обороте фотографии – «Дарю моему душевному другу Сулейману Мансурову. И.Плошко. 22 мая 1903 год».

Исмаил Нагиев

Мешади Сулейман бек дружил и с сыном одного из бакинских миллионеров, нефтепромышленника Мусы Нагиева - Исмаилом.

Исмаил бек Нагиев (1898г.)

Впоследствии Исмаил заболел чахоткой.

Врач Мамед Рза Векилов, обследовав Ага Исмаила, сказал отцу: «Состояние сына очень тяжелое, и если не предпринять срочных мер, парень может погибнуть. Хочешь, я сам повезу Ага Исмаила в Швейцарию. Через год вылечу его и привезу домой. На это потребуется около пятидесяти тысяч». Отец ответил, что может дать

только 10 тысяч. На этом их разговор закончился. Между тем состояние Ага Исмаила ухудшалось.

В конце концов Муса согласился выделить на лечение сына 50 тысяч рублей. Врач вторично обследовал больного и сказал, что «уже поздно. Теперь его не спасут даже миллионы».

По просьбе Гаджи Зейналабдина Тагиева, доктор Мамед Рза Векилов отвез больного парня в Швейцарию. После продолжительного лечения ему стало немного лучше.

Исмаил бек Нагиев (1898г.)

В нашем родовом архиве имеются редкие снимки Исмаила, несколько писем, написанные им в ответ Мешади Сулейману. О чем писал Исмаил своему другу?

В первом письме из Давоса (Швейцария) жена Исмаила – Юлия пишет:

«Дорогой Мансуров! Это – фотография Исмаила. Он в день 2 раза лежит на этом кресле».

Приписка самого Исмаила: *«Храни у себя и никому не давай».*

«Дорогой Сулейман и Гусейн! Подумайте хорошенько и приезжайте сюда. Когда вы приедете, я перееду в отель «Бельведер». Я еще ни разу не был там. Мне одному как-то не хочется. Тут очень хорошо, красиво.»

Кланяется Юлия и шлет вам привет.

*Остаюсь другом вашим.
Исмаил».*

«Нам пишут из Петербурга, что в Елисаветполе резня между татарами и армянами. Это правда или вранья, Сулейман? Напиши, как там, в Елисаветполе - тихо или беспорядок есть.

Напиши подробно, как кончилось. Напиши нам, как в Баку - тихо или опять резня? Все ли наши родственники и знакомые благополучны, Сулейман?».

«Дорогой Сулейман! Прости, что так мало пишу. И также проси извинения у Халыга и Аршака, которым ни одно письмо еще не писал, пусть они пишут. Ты объясни им, что мне очень трудно писать, а как хочется писать!

Вот, дорогой Сулейман, приехал папа. Я очень и очень жалею, что его вызвал к себе. Если бы я знал, что на него так будет действовать, лучше бы умер, но его не вызвал бы – до того он изменился...

Когда Юлия спросила прислугу, как она нашла нашу папу, она спрашивает: «Этот маленький, который сидел на диване?».

Действительно, за несколько часов он совершенно изменился и превратился в мячик. Он сейчас же вечером хотел выехать к Берингу, но мы его отговорили, что сейчас поздно, нет, лучше утром поехать...

Утром в 8 часов взял с собой Таги бека и доктора Мамед Рза Векилова, отправился к Берингу. Сейчас получил от них телеграмму такого содержания: «Были хорошо приняты. Обещал пробовать. Надежда большая. Муса, Таги». А дальнейших подробностей пока не имею.

Что касается до моего здоровья, немножко лучше, чем при вас было.

Передай мой сердечный привет Гусейну, покажи это письмо, и простите, что каждому в отдельности не пишу. Только прошу, чтобы кроме вас двоих, об этом письме никто не знал.

Во-первых, не хочу, чтобы узнали, как мы встретились с папой. Во-вторых, может быть, Беринг хочет меня тайком лечить.

Напиши мне адрес Гусейна.

Кланяйся от меня папе, Мансуру, Ага Гусейну и маме. Кланяется вам обоим Юлия. Твой брат Исмаил».

В пятом письме – от 6-го февраля 1906 г, Исмаил извещает друга о надежде на выздоровление.

И вот – последнее, шестое письмо. Исмаил в тяжелом состоянии, не может писать. Вместо него пишет супруга:

«Многоуважаемый господин Мансуров!

Исмаил просит извинить его, что сам не может Вам написать. Он лежит в постели, температура очень высокая. Как только лучше будет, напишет Вам. У него очень сильная головная боль.

Кланяется господину Ханларову.

Р. С. Только что получили письма из Вены и Баку, и сейчас же отсылаем Вам. Карточки следующий раз больше пошлю. Прощайте, Юлия».

После продолжительного лечения Исмаил возвращается в Баку и вскоре умирает совсем молодым, в возрасте 27 лет. Муса Нагиев перевез прах сына в Кербалаи и захоронил в святом месте.

... Их было три друга: Мешади Сулейман, Гусейн бек Ханларов и Исмаил Нагиев. Теперь они остались вдвоем.

Построенное в честь Исмаила и названное его именем величественное здание по улице Николаевской (ныне Истиглалийет - ред.) - «Исмаилийе», стало для Мусы Нагиева единственной памятью о сыне.

Мирза Асадуллаев

С другим бакинским миллионером – Шамси Асадуллаевым Мансуровых связывала семейная дружба. Мой дед дружил с его сыном Мирзой.

Фотография Мирзы бека Асадуллаева, подаренная моему деду Сулейман беку Мансурову с дарственной надписью на обороте.

Кстати, на свадьбе Мирзы, который женился на дочери Мусы Нагиева, произошел интересный случай.

Из музыкантов были приглашены ханэндэ Бюль-бюльджан и тарист Садыхджан. Будучи тонким ценителем и знатоком мугама, Мешади Сулейман был покорен виртуозной игрой Садыхджана, и не сдержав себя, прослезился.

Видя это, Шамси Асадуллаев спросил его: «Ты чего плачешь, ведь это свадьба - радоваться надо».

Мешади Сулейман ответил: «Дядя Шамси, ты не знаешь, как он играет. Это же потрясающе!». Тогда Шамси спросил: «Что я могу для них сделать?» - «Подари каждому по бриллиантовому перстню», - посоветовал мой дед. Шамси так и сделал.

Тарист Садыхджан (Садых Мирза Асад оглы, 1846-1902)

Наверняка, многие не знают, что умершая в Париже азербайджанская писательница Умбуль бану (Банин) была дочерью Мирзы Асадуллаева.

Внучка двух азербайджанских миллионеров, Шамси Асалуллаева и Мусы Нагиева, она писала свои произведения на французском языке.

Страсть к путешествиям

Мешади Сулейман очень много путешествовал. Можно с уверенностью сказать, что путешествия были для него такой же страстью, как и музыка.

Верно говорят в народе, что кто много ездил - много знает.

По рассказам отца, мой дед 11 раз объездил всю Европу, страны Востока, а также Россию. Самыми любимыми странами Мешади Сулеймана были Франция, Швейцария и Австрия. Последнюю страну хочется особо выделить. Ведь Австрия - это музыкальная колыбель Старого света. И как музыкант, он не мог не любить этот центр культуры.

В каких только городах не был Мешади Сулейман!

Люксембург, Милан, Рим, Турин, Верона, Санкт - Петербург, Москва, Краков, Варшава, Стамбул, Лондон, Люцерн, Марсель, Гамбург, Копенгаген, Кельн, Берлин, Мадрид, Афины, Давос, Берн, Тампере, Хельсинки, Версаль, Каир, Казань, Кисловодск, Киев, Ессентуки, Пятигорск, Монте-Карло, Вена, Неаполь, Цюрих, Осло, Гетеборг, Страсбург... И это еще не весь список!

Ему больше всего нравился Париж. Каждый раз, перед отъездом в Баку, Мешади Сулейман поднимался на Эйфелевую башню и любовался чудесной панорамой Парижа.

Прекрасные дамы

Общительный по натуре, Мешади Сулейман имел много друзей за границей. И часто среди них были и прекрасные дамы. Дед знакомился с ними во время путешествий, а по возвращении они поддерживали отношения, теперь уже - в эпистолярной форме. Приведем некоторые фрагменты из переписки друзей.

Вот, к примеру, два письма мадемуазель Эмилии Цвиллинг из Вены.

"Многоуважаемый господин Мансуров!

Удивляюсь, что от Вас так долго не имею никаких известий. Неужели Вы своих старых знакомых совсем забыли?

Хочу Вам показать, насколько я Вас помню, что даже и теперь, мне интересно узнать, как Ваше здоровье, Ваше милое семейство, что у Вас нового? Не думаете ли Вы в Новом году приехать к нам, в этот прелестный город?

*Жду все-таки Ваш ответ.
Уважающая Вас Эмилия Цвиллинг.
31.07. 1906 г. "*

Во втором письме г-жа Цвиллинг благодарит Мешади Сулеймана за его внимание и галантность к женщине:

«Многоуважаемый Сулейман!

Очень благодарна Вам за букет роз. А для Вас я выбрала эти фрукты, хотя на Кавказе они лучше. Только надеюсь, если эта дама передаст Вам их, так они тоже будут вкусными и хорошими. Желаю всего лучшего. Эмилия».

Мой дед очень любил и уважал женщин и поэтому решил сделать оригинальный подарок: отправить из Баку в Вену букет апшеронских роз.

Из Швеции пишет Луиза Рейнгольд:

«Дорогой г-н Мансуров!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю всего хорошего.

Вчера получила Ваше второе письмо. Я Вам на первое письмо ответила и жду ответа на это.

Очень благодарна за Ваше письмо. Поклон брату и Вам.

Луиза Рейнгольд».

Мешади Сулейман каждый месяц получал письма от зарубежных друзей. Ему писали Эмилия Эрнстовна Рейнгольд и ее сестра Вера Эрнстовна Мадера - из Финляндии, М. И. Иванова, Н. В. Забалуева, казачка Анна Ивановна Стельмаченко, Лиза Василевская, Екатерина Чижкова, И. Н. Александрова, циркачка Марго Никитина, Юлия Андреева – из России, примадонна С.Тони - из Италии, княгиня Тамара Александровна - из Тифлиса, К. Х. Альхович - из Греции и многие - многие другие.

На всех письмах оригинально указан почтовый адрес:

«Баку. Rusland. Участок Большая Крепостная улица № 5. Е.В.Б. (Его Высокоблагородию) Г-ну Сулейману Мансурову 31. 12. 1906 г.».

Иногда писали и так: «Е. В. Б. Сулейману Мансурову. Баку. Крепость. Собственный дом» .

В архиве Мешади Сулеймана имеется еще и несколько писем личного содержания, написанные ему любимыми женщинами.

Приведем пример из одного такого послания:

«Дорогой Сулейман! Сегодня вечером в 8 часов; буду ждать Вас там же».

По этическим соображениям, имя дамы не разглашается.

Дорожные курьезы

Мешади Сулейман очень любил жизнь, во всем многообразии. Ему было присуще чувство юмора, был очень находчивым. Как говорится, за словом в карман не лез.

Во время путешествий с ним и его попутчиками случались разного рода курьезы.

Например, будучи в Хельсинки вместе с братом Мирза Мансуром и Гусейн бек Ханларовым, им захотелось поесть плов. Они закупили все продукты для приготовления плова, но не оказалось только кишмиша. Что делать?

Недолго думая, Мешади Сулейман отправил Мирзу Мансура поездом в Петербург - за кишмишом.

Мешади Сулейман бек Мансуров (Вена, 1905)

Еще один такой случай произошел в Риме.

На Сенатской площади Мешади Сулейман, его двоюродный брат Ибрагим бек Абдинов, Мирза Мансур и Гусейн бек Ханларов зашли в ресторан и заказали кябаб - шашлык. Официант недоуменно спросил: «Что это за блюдо? Мы не знаем такое».

Тогда бакинцы купили барана, зарезали его, почистили и разделали мясо. Вроде все готово, но оказалось, что в ресторане нет шампуров. Ибрагим бек где-то нашел туго сплетенную проволоку, она заменила шампуры. Зажгли костер и начали готовить шашлык.

Жители соседних домов подумали, что в ресторане пожар и вызвали пожарников.

Войдя в ресторан, они увидели следующую картину: несколько мужчин стоят возле костра и что-то жарят. На вопрос пожарников: «Что происходит?» директор ресторана ответил, что «с Кавказа приехали дикари и готовят блюдо под названием «кябаб».

Как и всякие кавказские мужчины, Мансуровы любят вкусно и сытно поесть. Об этом, кстати говоря, свидетельствует еще один случай, имевший место в любимом Мешади Сулейманом Париже.

Как-то раз с братом Мирза Мансуром они зашли в ресторан пообедать. Сказали, чтобы принесли что-нибудь поесть. Пока готовили заказ, Мешади Сулейман закурил свои любимые кубинские сигары. (Кстати, его кожаный портсигар до сих пор находится у меня.)

Официант принес каждому по маленькому бутерброду.
«Это что такое? Разве этим можно насытиться? Принеси 100 штук таких бутербродов», - сказали братья.

Официанты вначале не поверили своим ушам. Но, видя, что братья не шутят, они исполнили заказ. Мешади Сулейман и Мирза Мансур менее чем за час управились с бутербродами.

Они только заканчивали трапезу, как увидели фоторепортера, снимающего их во время еды.

Оказывается, это был папарацци того времени - фотокорреспондент одной из местных газет. Ему дали задание снять двух кавказцев, съевших за один присест 100 бутербродов. Они даже и не могли подозревать, что братья за один раз съедали плов в куда большей по объему тарелке, называемой по-азербайджански «булуд».

Еще одна страсть Мансуровых – женщины. По рассказам деда, как-то раз, будучи в Париже, они с братом Мансуром зашли в кабаре, где показывали варьете.

Полуобнаженные женщины танцевали «канкан». Вдруг одна из них подошла к ним и резким движением подняла подол платья. Мирза Мансура очаровал аромат танцовщицы. Подозвав к себе гарсона, он дал ему денег и попросил узнать у нее, что это был за дивный аромат?

Вернувшись, гарсон передал ее слова: «Это еще что! Он не знает, какой аромат исходит от моего тела». Мирза Мансур велел гарсону отвести его к ней.

Познакомившись с дамой, он подошел и сказал Мешади Сулейману: «Ты должен понять меня. Сегодня в отель вернешься один»...

Премьеры и примадонны

Мешади Сулейман во время зарубежных поездок часто посещал концертные салоны и театры, не упускал ни одну премьеру.

Так, 28 ноября 1904 г., после спектакля в Венском театре Гранд-опера, его познакомили с примадонной Зельмой Курц (15 октября 1874, Бяла, - 10 мая 1933, Вена).

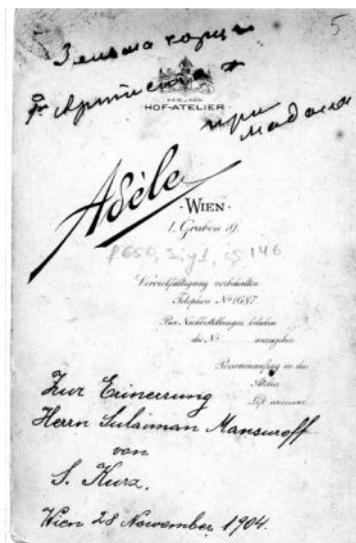
Они подружились, стали переписываться. Каждый раз, когда мой дед бывал в Вене, они обязательно встречались.

Она подарила Мешади Сулейману и свою пластинку, где в основном были записаны арии из итальянских опер, "Аве-Мария" Баха – Гуно, "Ah! non credea mirarti" из "Сомнамбулы" Беллини.

В нашем родовом архиве сохранились не только ее фотография с автографом, подаренном Мешади Сулейману, но и голос на той самой пластинке.

Зельма Курц (Вена)

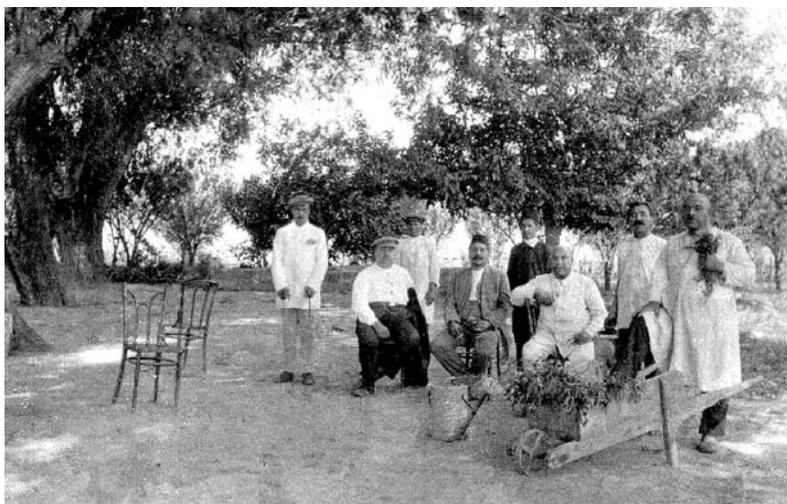
На даче в Шувелянах

Как рассказывает 80-летний Джамшид Мурадов, старейший житель Шувелян, дача Мансуровых была единственным 2-этажным строением в селе.

Днем никто не поднимался на второй этаж и не выходил на балкон. Сверху просматривались дома соседей, а по мусульманским обычаям не принято смотреть на чужие дворы. Да и уровень культуры не позволял это делать Мансуровым.

Когда стужались сумерки, Мешади Сулейман и Мирза Мансур выходили на балкон и играли на таре. Каждый вечер соседи и прохожие собирались на этот импровизированный концерт.

В Шувелянах (1915)

*Сидят (справа налево) :
Мешади Сулейман бек, Даглы Аббас и
Мирза Мансур бек*

На даче Мансуровых в Шувелянах частыми гостями были представители интеллигенции Баку.

В их числе - миллионеры Юсиф Дадашев, Исмаил Нагиев, Мирза Асадуллаев, один из богачей города Даглы Аббас, нотариус Георгий Сомов с супругой, начальник жандармского управления Горчаговский с женой, полицмейстер Талыбханов, Алескер бек, Васид бек и Гусейн бек Ханларовы, Мирза Кязым бек, Абульфаз бек и Мирза Аббас бек Абдиновы, Агабек, Садых бек, Ибрагим бек и Таги бек Сафаралиевы, Абдул Манаф Алекперов (двоюродный брат Мешади Сулеймана), Агагусейн Агарза оглы Мовсумов, из музыкантов: Агабала Ага Саид оглы, Садыхджан, Мирза Гаджи Агабаба оглы, Мирза Фарадж Рзаев, Алескер Абдуллаев, Абдулбаги Зулалов (Бюль-бюльджан), Мешади Дадаш из Карабаха, Абдулгадир Джаббаров, Гурбан Примов, Сеид Шушинский, Джаббар Гарьягды оглы, Кечячи оглы Мухаммед, Мешади Зейнал, Саша Оганезашвили, Ширин Ахундов и многие другие.

*На даче у Мешади Мелик бека
Мансурова в Шувелянах.*

*Слева сидят - Мешади Сулейман бек
Мансуров, Талыбханов,
Мешади Мелик бек Мансуров,
Горчаковский с супругой.
В черной одежде стоит Мирза
Мансур бек Мансуров.*

Как и все бакинцы, Мансуровы - интернационалисты. В нашем роду отношение к представителям других народов всегда было нормальное. Более того, эти отношения носили дружественный характер. Среди многочисленных друзей Мансуровых было немало русских, грузин, евреев, армян.

Один из них - известный тарист, сын священника из Карабаха Лазарь Тер-Вартанесов. Перебравшись в Баку, он познает секреты мугама у таких мастеров, как тарист Мирза Фарадж, ханэндэ Агабала Ага Саид оглы и Мирза Агакерим Гаджи Зейнал оглы. Особую роль в профессиональном становлении Лазаря сыграл Мешади Сулейман. Именно мой дед познакомил его с Садыхджаном, у которого Лазарь научился многому.

В 1905 г. Лазарь начал изучать нотную грамоту, для этого нанял учителя. У него появилась мечта, с которой он поделился в первую очередь с Мешади Сулейманом:

«Хочу создать первый профессиональный оркестр народных инструментов и выступать с публичными концертами. А для этого нужны деньги и помещение». «Сколько?», - спросил мой дед. «Для начала 500 рублей хватит», - ответил Лазарь.

Мешади Сулейман купил 4 лавки на Балаханской улице, снял перегородки между магазинами и получился большой зал. Здесь 3 месяца репетировал будущий оркестр. Мешади Сулейман заказал афиши, организовал концерт в Театре Тагиева. Был аншлаг. Мешади Мелик бек, уже в преклонном возрасте, тоже пришел на концерт. Лазарь в сопровождении оркестра исполнил мугамы «Чахаргях» и «Шуштэр». Первый концерт первого оркестра прошел успешно.

Оркестр народных инструментов под руководством Лазаря Тер-Вартанессова (1904)

Меценат

Мешади Сулейман проявил себя и как меценат. На его деньги и при его непосредственном участии в Баку, впервые на Востоке, был создан первый профессиональный оркестр народных инструментов в составе 25 музыкантов. Коллектив выступал с концертами в театрах и концертных салонах Баку. Выступления оркестра широко освещались в местной прессе.

Как рассказывал мой дед, «однажды Лазарь заболел. Пошел его проведать. За ним ухаживал дальний родственник по имени Давуд. Он мне сообщил, что Лазарь вчера вызвал священника и велел ему после своей смерти все свое имущество завещать Сулейману Мансурову. На вопрос, «почему ему, а не своим родным?», Лазарь ответил: «Он для меня все - и брат, и сват, и вообще - самый близкий человек. Все, чего я достиг, всем я обязан именно Сулейману Мансурову». Священник нехотя все это записал и подтвердил».

Мешади Сулейман порвал в ключья это завещание, забрал Лазаря к себе на дачу в Шувеляны.

Мешади Мелик бек выделил Лазарю самую лучшую комнату. Он болел тифом. За 2 месяца Мансуровы его выносили, поставили на ноги.

Еще на месяц оставили на даче, чтобы Лазарь окончательно поправился. Потом Мешади Сулейман отправил его в город, в свой дом.

Спустя некоторое время дашнаки в письме к Лазарю потребовали от него 3 тысячи рублей. Лазарь возмутился: «Я - бедный человек, о чем думают дашнаки? Даже если и были бы у меня такие деньги, все равно бы им не дал».

Он послал им такой ответ: «Хватит заниматься подлыми делами. Я - бакинец, и вообще не армянин, а с вами ничего общего не имею». После этого дашнаки стали охотиться за ним.

Лазарь решил уехать из Баку. Мешади Мелик бек предложил ему остаться у них: «Никто тебя даже пальцем не тронет». Лазарь поблагодарил его и сказал: «Спасибо, Мешади. И так я в долгу перед вами, девять месяцев, как день и ночь остаюсь у вас. Я уеду отсюда. Мне надо самому зарабатывать на жизнь». «Куда поедешь?», - спросил

Мешади Мелик. «В Киев», - сказал Лазарь.

Мешади Мелик дал 1500 рублей Мешади Сулейману и велел сыну: «Поезжай с ним, купи лавку с комнатой, чтобы Лазарь там мог жить». Мешади Сулейман так и сделал.

Как говорил дед, «в Киеве я купил Лазарю хороший гастроном с товаром и комнатой. Десять дней остался там, а когда Лазарь меня провожал на вокзале, то не смог сдержать слезы. Я попросил жандармов проводить его домой.

Потом дважды - с братом Мансуром, навещали его в Киеве. Каждый раз он радовался нашему приезду, встречал как своих самых близких людей. Впрочем, так оно и есть. Ведь у Лазаря, кроме нас, никого не было.

Он всегда говорил: «Я - бакинец; ничего, кроме хорошего, от азербайджанцев, не видел. Я ел хлеб азербайджанцев и не могу переступить через него».

Жизнь в послереволюционном Баку

После захвата Баку большевиками, у Мансуровых отняли все состояние.

В начале 20-х годов Узеир бек Гаджибеков - в знак уважения, предложил Мешади Сулейману беку должность директора магазина музыкальных инструментов, что находился в Тагиевском пассаже, - при входе, с правой стороны, во втором салоне. Проработав всего 3-4 дня, Мешади Сулейман оттуда ушел. А причиной стало следующее. В магазин зашел клиент и хотел купить тар. Продавцы предлагают ему несколько инструментов, а он все ищет, сам не зная чего.

Тогда к нему подходит Мешади Сулейман бек и спрашивает, что именно тот хочет. Покупатель спрашивает: «У вас есть хороший тар?» Мешади Сулейман предлагает ему хороший инструмент. Тот берет, немного играет, опять обращается к Мешади Сулейману: «Может, у вас есть еще лучший?». Дед, ничего не говоря, достает еще один тар. Тот опять берет, немного играет и опять задает тот же вопрос Мешади Сулейману: «Может, у вас есть еще лучший тар?» Мешади Сулейман, уже не выдержав, отобрал у него инструмент и ударил его по башке. Разозлившись, мой дед ушел оттуда и больше не возвращался.

Дело в том что, Мешади Сулейман бек вырос и воспитывался в такой среде, где людей знающих свое дело, уважали и доверяли. И вдруг настало такое время, когда такие люди исчезли, пропали... Вместо них образовался новый тип граждан - беспардонные, безграмотные, невежи, хамы, готовые стучать даже на близкого. Не соглашаясь с такими реалиями жизни, Мешади Сулейман бек решил, что до конца жизни не будет работать на эту систему.

Музыка, мугамы

Мешади Сулеймана связывали с Узеиром Гаджибековым хорошие отношения. Мой дед знал Узеир бека, когда тот еще был начинающим музыкантом и посещал мугамные меджлисы Мешади Мелика.

В начале 30-х годов коммунисты, не ладившие тогда с Ираном, решили отыграться на мугаме, поменяв персидские названия на другие. Возмущенный варварством большевиков, Мешади Сулейман ночью приходит к Узеир беку домой и полушутя - полувсерьез говорит: «Хотите менять названия мугамов? Пожалуйста, я нашел замену. Давайте Баяты-Исфахан назовем Баяты - Сталин, а Баяты-Шираз - Баяты-Молотов. Может, лучше Баяты-Ворошилов, чем Баяты – Кюрд? Думаете, что делаете? Разве вы их называли, чтобы сегодня менять? Постыдились бы...».

В 1920 г. в Баку открыли первый Азербайджанский музыкальный техникум, который находился в доме по улице Гимназическая (ныне - ул. Толстого) угол ул. Гоголя, на третьем этаже. Здесь создали комиссию по мугамату. В нее входили знатоки мугамов: таристы - Мирза Фарадж, Мешади Сулейман Мансуров, Ширин Ахундов, Мансур Мансуров, Гурбан Примов; кьяманчист Саша Оганезашвили, ханэндэ: Джаббар Гарягды оглы, Агабала Ага Саид оглы, Шекили Алескер Абдуллаев. В этой школе часто проводились концерты.

По рассказам моего отца, Мешади Сулейман часто водил на эти мугамные вечера своих сыновей - Ага Мелика и Ага Бахрама. Он хотел, чтобы его сыновья, как Мансуровы, полюбили народную музыку, услышали бы мугамы в исполнении выдающихся музыкантов.

Узеир бек очень хотел видеть среди преподавателей техникума и Мешади Сулеймана: «Твои знания и опыт нужны молодым». Но мой дед снова отклонил его предложение, сказав следующее: «Пусть вместо меня Мансур будет учить молодых. Лично ручаюсь за его знания».

Продолжение мугамных меджлисов

Мне было всего 3 года, когда умер мой дед. Конечно, я ничего не помню.

Прошло много лет, теперь я сам уже взрослый мужчина. Но все эти годы хотел понять, каким человеком был мой дед. Прочитал (и не раз!) его воспоминания.

Перебрал множество документов различного содержания. Просмотрел много фотографий. Услышал от разных людей воспоминания о нем. Перечитал книги, которые он читал. Но для того, чтобы понять Мешади Сулейман бека, узнать его характер, разгадать ход мыслей деда, проникнуть в его внутренний и духовный мир, - всего этого было мало, всегда что-то не хватало.

Видимо, для этого надо быть, по крайней мере, хоть наполовину таким же, как он.

Но одно я понял точно.

Его воспоминания, написанные в середине 30-х годов, заканчиваются периодом прихода к власти большевиков.

В 1920 г. Мешади Сулейман беку было 48 лет. Я бы сказал, самые лучшие годы, т. к. у мужчин – это период зрелости, осмысления жизни, начало мудрости.

Смена режима, приход новой власти, никчемность большевиков, их беспринципность, грубость, хамство оттолкнули от них интеллигенцию. Как достойный представитель бакинской знати, Мешади Сулейман бек не смог примириться с новым режимом.

В 48 лет он фактически остановил часы своей жизни. Какой? Той самой жизни, наполненной благородством, любовью к своему делу.

Несколько раз Узеир Гаджибеков приглашал его на работу - вначале заведовать магазином музыкальных инструментов, потом - в Консерваторию, преподавать мугам. И вновь - отказ. «Возьми вместо меня брата Мансура - он тоже хорошо знает мугамы», - ответил Мешади Сулейман бек.

*Мирза Мансур бек Мансуров среди учеников консерватории.
(5-го мая 1924 года)*

Целых 35 лет прожил мой дед при советской власти. Да, срок немалый. Он мог бы сделать многое. Но, столкнувшись с хамством, неуважением к интеллигенции, решил отойти в свой мир и ни от кого не зависеть. Зачем?

В нашем роду Мешади Сулейман бек был самым мудрым, вспыльчивым, добрым, щедрым и гордым. Но никогда не был тщеславным.

Уважал и себя, и свой род, гордился фамилией и корнями. Именно поэтому, в самые тяжелые годы красного режима, дед решил не работать на них. На все приглашения отвечал отказом, всюду вместо себя отправлял младшего брата Мансура, которого опекал с детства.

Сулейман и Мансур, кроме того, что они были братьями, также были и большими друзьями. Сулейман был старше Мансура на 15 лет и во все зарубежные поездки брал с собой брата.

Единственное, чем занимался мой дед от души в годы красного режима, - это продолжение мугамных меджлисов, начатых еще его отцом Мешади Меликом.

В воспоминаниях один из таких вечеров датируется 1925-м годом. Мешади Сулейман бек пишет об участниках вечера, исполненных разделах мугамов.

И еще, он учил своих сыновей - Ага Мелика, Ага Бахрама и Ага Надира - игре на таре.

Кстати, сам Мешади Сулейман великолепно играл на таре. В проводимых им меджлисах он в обязательном порядке должен был играть. Он профессионально аккомпанировал певцам. В свое время, еще при Мешади Мелике, Мешади Сулейман с Садыхджаном на пару часто соревновались на меджлисах.

Мой отец, Бахрам Мансуров, всегда говорил: «Все, чему я научился, обязан отцу».

Кстати, в Азербайджане, после Садыхджана, никто, кроме Мансуровых, не мог играть на таре только одной левой рукой. После Мешади Сулеймана и Мирза Мансура, только Бахрам Мансуров владел этим приемом игры.

Годы репрессий не тронули Мансуровых. Элита большевиков – Нариманов, Мусабек, Азизбеков и другие, хорошо знали наш род. Мансуровы никогда не занимались политикой – ни в царское, ни в советское, да и в нынешнее время тоже.

Подробности повседневной жизни

На Балаханской улице была маленькая мастерская, где он ремонтировал музыкальные инструменты, в частности, тар. А жил Мешади Сулейман с четырьмя детьми в небольшом растворе площадью 15 кв. метров по улице Сураханской, 111 (Первомайская, 111 - ред.).

Как рассказывал Мешади Сулейман, до 1920 г. он с семьей жил на Набережной улице, в 3-этажном доме № 59, находившемся рядом с Девичьей башней. В те времена мало кто имел дома телефон. А моего деда этот диковинный на то время аппарат был, с личным номером 18-65.

(Кстати, этот дом и сейчас находится там же.)

После прихода к власти большевиков, матросы и солдаты врываются к нему в дом, и приказывают, ничего не трогая, одеться, взять детей и навсегда покинуть дом. По рассказам деда, в доме осталось много ценных вещей.

Оставшись с четырьмя детьми на улице, без жилья и денег, Мешади Сулейман отправляется на дачу в Шувеляны.

Через несколько дней, попав на прием к председателю революционного комитета Нариману Нариманову, рассказывает о случившемся. Тот ему говорит что, частная собственность отменена и поэтому ничем не может помочь.

Единственно, что сделал Нариман, - предложил Сулейману беку маленький раствор на улице Сураханской, 111. Оставшись без ничего, не имея выбора, Мешади Сулейман вынужден был согласиться.

Да, и что говорить, печальный конец. Хотя тот же Нариман Нариманов – и до и после революции – неделями гостил на даче Мансуровых.

Из воспоминаний Мешади Сулеймана:

Вечерами мы с Нариманом Наримановым долго беседовали. Мой средний сын Бахрам приносил нам чай, ужин. Тогда ему только исполнилось 9 лет.

По утрам Нариман отправлялся на работу в управление на своей пирлотке (разновидность фаэтона – «пролётка» - ред.).

Однажды он мне сказал: «Спасибо за все, я вами очень доволен. Но не обижайся, хочу переехать на дачу Рза бека Селимханова. Вы здесь для меня создали все условия, благодарю. Но здесь высоко, дышится с трудом. И еще: дача Рза бека ближе к работе».

Среди постоянных гостей Мешади Сулеймана на даче были и Газанфар Мусабеков, Мешади Азизбеков.

Мой дед в свое время помогал Мешади Азизбекову материально. В чем заключалась эта помощь?

Дядя Мешади Азизбекова был нефтепромышленником. Когда племянник стал заниматься революционной деятельностью, дядя прекратил ему финансовую помощь. Азизбеков в те годы попросил Мешади Сулеймана помочь ему с деньгами, чтобы семьи бастующих рабочих не умерли с голоду.

Дед ему несколько раз помог, но поставил условие: чтобы деньги использовались по назначению, а не на приобретение оружия или антигосударственной деятельности. Мешади Сулейман лично контролировал, чтобы деньги достались семьям бастующих рабочих.

Это не означает, что мой дед симпатизировал большевикам. Он любил свой народ и не хотел, чтобы кто-то голодал. Если бы он знал, что все так обернется, мне кажется, поступил бы иначе. Это еще раз подчеркивает его интеллигентность и порядочность как дворянина.

Еще немного о даче в Шувелянах

В середине 30-х годов, по решению местных властей, у Мешади Сулеймана отняли и дачу, площадью более 2 гектаров.

Здесь большевики вначале создали МТС, затем - разные сельские организации. В конце 40-х годов дача стала пионерлагерем объединения «Азизбековнефть».

С 1990 г., после развала Советского Союза, один из «новых азербайджанцев» незаконно приватизировал дачу Мансуровых под частную собственность.

В 2002 году я как-то поехал в Шувеляны посмотреть на дачу предков. Очень много был наслышан о ней, немало воспоминаний осталось в памяти из рассказов отца. Но одно дело - видеть на снимках, другое - воочию.

Когда со старейшиной деревни, 80-летним Абульфаз киши постучались в дверь, ее долго никто не открывал. Спустя некоторое время за воротами услышали лай овчарки. Женщина, одной рукой придерживая собаку за поводок, приоткрыла дверь. Увидев меня, она сразу закричала: «Мы не продаем эту дачу!». Я опешил от ее откровенного хамства. Абульфаз киши сказал ей: «Разве вам не стыдно, не узнаете этого человека? Он не покупать, а всего лишь проведать родные места пришел».

Она еще громче и сердито начала говорить: «Я узнала вас. Знаем, что это дача Мансуровых. Ну и что, у нас тоже много чего было. У нас тоже большевики все отняли. А сейчас это дача наша и мы не собираемся ее продавать».

Аксакал вновь пристыдил ее: «Как вам не совестно! Он не покупатель. Так это же имение его предков, оно более 150 лет принадлежало Мансуровым. Все в Шувелянах знают об этом. А вы его даже через порог дома не пускаете».

Я сказал ей, что пришел по велению сердца, чтобы своими глазами увидеть место, где жили мои предки, чтобы еще раз вспомнить их. Думаю, их дух тоже был бы рад моему визиту. А потом уйти с миром. И вообще не думал даже о покупке этой дачи. Откуда у меня столько денег? Деньги - у вас, поэтому вы, непонятно как, купили наше имение».

Абульфаз киши перебил меня: «Дочка, я бы на твоём месте пустил бы такого уважаемого человека домой, накрыл бы стол и с уважением отнесся бы к нему. Ведь он от вас ничего не требует». Ее ответ был очень громким и коротким: «Я его не впущу и дачу не продам!». Она со злостью захлопнула дверь.

Вижу таких людей и вспоминаю рассказы Мешади Сулейман бека. В свое время большевики его по-хамски выдворили из собственного дома...

Прошли десятилетия, но практически ничего не изменилось. Сегодня все происходит по тому же сценарию, только время другое - прошло уже 80 лет...

Многие богачи того времени, не выдержав нищеты при красном режиме, скончались от сердечного приступа или сходили с ума.

Я поражался его стойкости и гордости, тому, как он выдержал такой удар. Несмотря на все эти трудности, он все-таки вырастил детей.

Старший сын - Ага Мелик, умер в 1926 г., в возрасте 16 лет от воспалений легких - он простудился в школе. Не имея средств на лечение сына, Мешади Сулейман ничего не смог сделать.

Из воспоминаний о Мешади Сулеймане Мансурове

Мешади Сулейман по натуре и характеру был очень добрым и щедрым, делился последним куском хлеба, не оставлял в беде друзей и близких. Таких примеров много, и о них мне часто рассказывал отец.

Из воспоминаний Бахрама Мансурова:

В годы второй мировой войны я, как тарист, в составе концертных бригад постоянно выступал перед ранеными военнослужащими в госпиталях. Мой младший брат Надир тогда был на фронте. Жили вместе с отцом.

Как-то зимой я купил отцу новое пальто. К моему удивлению, через несколько дней Мешади Сулейман приходит домой, съезжившись от холода. На вопрос: «Мешади, а где твое пальто?», он ответил: «Встретил одного знакомого на улице, он трясся от холода. Решил отдать ему пальто, зная, что ты мне купишь еще одно».

Постоянно давал отцу деньги на карманные расходы. И всегда Мешади Сулейман приходил домой без денег. Я спрашивал у него: «На что потратил все деньги?», он говорил, что «раздал бедным, чтобы купили хлеб своим детям».

Это - отличительная черта нашего рода. Мансуровы всегда стараются помочь и помогают неимущим, протягивают им руку в трудную минуту. Мешади Сулейман был одним из ярких представителей нашего рода.

Из воспоминаний писателя Гылмана Илькина:

«Мешади Сулеймана я застал уже в старом возрасте. Тогда я был молод, учился в техникуме и дружил с Энвером – сыном Мирза Мансура.

Мы часто прогуливались по Балаханской улице, где находилась мастерская по ремонту музыкальных инструментов, там работал Мешади Сулейман. В народе эту мастерскую еще называли и “малой филармонией”.

Сюда каждый день приходили известные певцы и музыканты, интеллигенция города, знающая Мешади Сулеймана еще со старых времен. Я лично видел там Гусейнгулу Сарабского, Гурбана Примова, Гусейнагу Гаджибабабекова и многих других.

Нам, молодым, было интересно видеть этих известных людей воочию. Здесь всегда была слышна музыка. Я и мои друзья не раз видели, как они поют, играют, смеются от души. Там всегда было уютно, хотя места не хватало для многих гостей. Помню, как Мешади Сулейман радовался гостям, всегда угощал их чаем.

Глядя сейчас на его прежние снимки в молодости, я просто поражаюсь, как может так внешне измениться человек. Ведь он жил другой жизнью...

После того, как советская власть отняла у Мансуровых все, Мешади Сулейман не пал духом, сохранив в себе самое главное достоинство – человечность. Его манеры, отношение к людям, святая любовь к музыке выдавали в нем аристократа.

Сегодня в Ичери Шехере почти не осталось таких семей, как Мансуровы. Ведь этот благородный род – живая история Баку, в частности, Ичери шехера.

Мне уже 93 года, многое перевидал в жизни. Хотелось бы, что все ныне живущие в Крепости были бы похожими на Мансуровых».

Мешади Сулейман бек Мансуров скончался 19-го апреля 1955 г. от сердечной недостаточности, в возрасте 83-х лет, и похоронен на Старом кладбище в Ясамале.

В статье использованы фотографии из личного архива Бахрама Мансурова.

В последнюю минуту

Уже после того, как был составлен наш сборник, мы получили от Заура Алиева интереснейшие материалы об **Алиеве Мирзе Абдул-Рагим Имам Али оглы**, которые мы обязательно хотим предоставить вашему вниманию, дорогие наши читатели.

Сотрудничество с академиком Б.Дорном

Новые сведения о первом учителе азербайджанского языка и шариата после его ухода из ББУ и о событиях полутора вековой давности довелось узнать благодаря недавно обнаруженному Сергеем Колтуновым-энтузиастом изучения истории Баку, «Отчету об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря академика Б.Дорна». Встретив в отчете неоднократные упоминания о Мирзе Абдул-Рагиме, моем прапрадеде, помогавшем академику в исследованиях древних преданий и изучении языковых наречий иранского корня, Сергей переслал его мне.

Борис (Бернгард) Андреевич Дорн (1805-1881) – востоковед, академик Санкт-Петербургской Академии наук, был профессором СПб-ского Университета и директором Азиатского музея. Автор основополагающих трудов по истории, географии и этнографии народов Кавказа и Каспийского побережья, в том числе Азербайджана. С сентября 1860 по июнь 1861 года акад. Б.Дорн путешествовал по Кавказу, Азербайджану и вилайетам Каспийского побережья Ирана, и между разъездами около 3 месяцев был в Баку. Главной целью путешествия было исследование языков персидского корня, употребляемых на Кавказе, снятие снимков с древних надписей, приобретение рукописей, монет и других редкостей.

В Баку акад.Б.Дорн приступил к составлению переводов для планируемых занятий «по изучению Гилянского языка в Реште, Тальишского языка в Ленкоране и Татского языка в Баку, т.е. в тех областях, где эти языки находятся в употреблении».

Он пишет: «...я поручил уже давно здесь всем известному Бакинскому Персиянину Мирзе Абдул-Рагиму, который занимал прежде должность мусульманского законоучителя при Бакинском уездном училище, собрать сохранившиеся в Баку народные предания и другие исторические известия и изложить всё это на Татском языке с Персидским переводом. Между тем, сын Мирзы, Зейнал-Абдин, состоящий переводчиком при Бакинской таможне, взялся перевести по Татски рассказы, изданные мною на Персидском и Мазандеранском языках.» (стр 253).

Оказывается, что кроме арабского, тюркского, персидского и русского языков, о которых нам было известно, прапрадед знал и близкий к персидскому татский язык, а прадед до получения чина Титулярного советника работал переводчиком в Бакинской таможне.

Но почему акад.Б.Дорн коренного бакинца называет Бакинским Персиянином?

Быть может, после присоединения Азербайджана к России он называет бакинцев по-старому персиянами, как потом часто иностранцы нас называли русскими?!

Направившись в Решт, акад.Б.Дорн изучил там Гилянский язык, а вернувшись в Баку 19 декабря 1860 года, пишет:

«...В Баку я занялся приведением в порядок бумаг и привезенных с собою материалов, преимущественно же стал изучать Татский язык. Для последней цели некоторое время ежедневно посещал меня Мирза Абдул-Рагим.» (стр 265).

И далее: *«...Как о немаловажных источниках к изучению истории Ширвана, должен я упомянуть о пяти Персидских и двух Турецких фирманах, из мечети над гробницею шейха Абу-Саид-Абуль-Хайра (сконч. в 440=1049 г.) в Баку, и о пятнадцати актах того же рода на Персидском языке, из Биби-Гайбета-мусульманское священное место близ Баку (Биби-Эйбат З.А), которые по моей просьбе списаны Мирзой Абдул-Рагимом.»* (стр 266).

Далее в Ленкоране акад. Б.Дорн в апреле 1961 года занялся изучением Талышского языка, собрал стихи, рассказы на Талышском языке, сделанные муллою Асадуллою, и замечания по грамматике этого языка.

По пути в Дербент, проезжая через Кубу, знакомится с генерал-майором Джафар-Кули-Агой, братом Аббас-Кули-Ага Бакиханова, труды которого высоко ценил, в особенности, «Гюлистан-и Ирам». Джафар-Кули-Ага обещал Б.Дорну доставить посмертный труд своего брата по истории Кавказа, а также похлопотать на счет собрания восточных рукописей, оставшихся после покойного Аббас-Кули-Ага.

Возвратившись в Баку 30 мая 1861 года акад.Б.Дорн пишет:

«...Вместе с художником Гиппиус отправился в Шихали (Шихово – З.А.), деревню в семи верстах от Баку, где покоится гробница мусульманской святой Биби-Гайбет. Мы сняли надписи, находящиеся на стенах строения, а мой спутник срисовал прекрасный вид самого места. История мусульманской святой Биби-Гайбет помещена в народных преданиях, собранных Мирза Абдул-Рагимом на Персидском и Татском языках.» (стр 280).

Баку. Вид с моря.

Рисунок худ. Гиппиус. 1860 г.

«Атлас к путешествию Б.А Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря»

Как видно, мой прапрадед Мирза Абдул-Рагим собирал народные предания, касающиеся Биби-Эйбата и мусульманской святой, которые передал акад. Б.Дорну. Дорн пишет, что и записку прапрадеда в Биби-Эйбат шейху Джеваду передал в Азиатский музей. (стр 291).

Следует отметить, что во времена борьбы рода Курейшитов – правителей Мекки, со сторонниками пророка Мухаммеда, бежал и святой Имам Риза со своим семейством, которое разъединилось.

Дочь Имама и его сестра попали в окрестности Баку, поселились на месте Шихово, где и скончались. На месте погребения мусульманских святых- дочери и сестры Имама Ризы были построены гробница-усыпальница, считавшаяся священной, вместе с мечетью. У дочери Имама Укейма ханум был слуга Эйбат, похороненный тут же. Так как Эйбат называл Укейма ханум «биби», то и мечеть стали называть «Биби Эйбат», т.е. мечеть «тети Эйбата».

После постройки мечети вокруг неё поселились шейхи, и деревню стали называть Шейхова или Шихово.

Биби-Эйбатская мечеть XIII века, разрушенная в 1932 году

Главными результатами путешествия акад.Б.Дорна стали монография «Материалы к познанию иранских наречий» ч.1 и 2. СПб 1860-1866 г.г., труды «К изучению истории Ширваншахов», «История Ширвана при правителях и ханах (1531-1820), на основе фарсидских источников» - первые исследования в русском востоковедении по истории Ширвана.

Кроме того, Б.Дорн привез в дар Азиатскому музею в Петербурге не только 15 рукописей на арабском, персидском, татарском (азербайджанском –З.А.), индийском языках, 50 Персидских и Турецких документов из Баку, Биби-Эйбата, Сальян и Мцхета, пособия по изучению Мазандеранского, Гилянского, Талышского и Татского языков, древние золотые, серебряные и медные монеты и письма, но и исторические материалы списанные и собранные Мирза Абдул-Рагимом Имам Али оглы.

Мы очень благодарны всем авторам, чьи статьи опубликованы в этом выпуске, за их совместную работу с нами.

Наша первая публикация электронной книги принесла нам много радости, и мы очень надеемся на достойное продолжение этой работы.

Ваши *Ирина Ротэ и Татьяна Сперанская*

Все материалы сборника являются собственностью их авторов и Ourbaku e.V.

При полном или частичном использовании любых материалов ссылка на наш сайт (www.ourbaku.com) обязательна.

Содержание сайта ourbaku.com создается и используется на основе Creative Commons-Lizenz .